

Научная статья

JEL: K3

УДК: 349

DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.4.58

Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ)

**Алексей Сергеевич Кошель¹,
Ярослав Иванович Кузьминов²,
Екатерина Владиславовна Кручинская³,
Богдан Васильевич Лесив⁴**

^{1,2,3,4} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

¹ koshel@hse.ru, ORCID:0000-0002-4517-8326

² kouzminov@hse.ru, ORCID 0000-0003-4598-0631

³ ekruchinskaya@hse.ru, ORCID:0000-0003-4778-3287

⁴ blesiv@hse.ru, ORCID: 0000-0001-8085-3983

Аннотация

Стремительное развитие цифровых платформ и экосистем, ставших значимым глобальным экономическим феноменом, обусловлено их способностью обеспечивать дополнительные, гибкие и взаимовыгодные возможности для продавцов, покупателей и платформенных занятых. Тем не менее на сегодняшний день правовое оформление этого феномена развивается более медленными темпами, чем экономическое. Для изучения баланса правового и экономического развития цифровых платформ последние концептуализируются как новая форма организации товарно-денежного обмена. Предметом исследования является нормативно-правовое регулирование цифровых платформ в России и за рубежом, права и обязанности участников рыночных отношений. Исследование не охватывает цифровые платформы в публичном секторе, социальные сети и мессенджеры. Применяются сравнительно-правовой, формально-логический, формально-догматический,

историко-правовой методы, анализ, синтез и герменевтика. Выдвигается и доказывается материалами исследования гипотеза о существовании трех закономерных этапов регулирования платформ в мире и в России. В ходе анализа эволюционного трехступенчатого развития правового регулирования электронной коммерции (как феномена, предваряющего платформенную экономику) обнаружено, что оно нередко характеризуется несогласованностью воздействия разных отраслей права, включая наличие пробелов и коллизий, которые способствуют спонтанному достижению выгод заинтересованными субъектами, а не планомерному взаимодействию в рамках нормативной схемы. В наиболее ярком виде это заметно в отсутствии однородного терминологического аппарата, используемого в непосредственно задействованных для регулирования цифровой экономики отраслях законодательства, равно как и единых принципов регуляторной политики, которые учитывали бы межотраслевую специфику. Обобщение зарубежного и отечественного опыта регулирования электронной коммерции и платформенной экономики позволило предложить дефинитивные конструкции для комплексного воздействия на многоаспектную деятельность цифровых платформ (подходящие для гражданского, налогового, конкурентного, информационного и административного права). Кроме того, сформулирована сбалансированная концепция общих принципов прозрачного функционирования цифровых платформ и их взаимодействия с обществом, государством и субъектами экономической деятельности.

Ключевые слова

электронная коммерция; цифровые платформы; платформенная экономика; цифровые гиганты; посредническая функция платформ; правовой глоссарий.

Для цитирования: Кошель А.С., Кузьминов Я.И., Кручинская Е.В., Лесив Б.В. Опыт зарубежного и отечественного регулирования деятельности цифровых платформ: поиск регуляторного оптимума // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 2. С. 4–58. DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.4.58

Legal Thought: History and Modernity

Research article

In Search of the Regulatory Optimum for Digital Platforms: A Comparative Analysis

**Aleksey S. Koshelev¹, Yaroslav I. Kuzminov²,
Ekaterina V. Kruchinskaya³, Bogdan V. Leciv⁴**

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation,

¹ koshelev@hse.ru, ORCID:0000-0002-4517-8326

² kouzminov@hse.ru, ORCID:0000-0003-4598-8326

³ ekruchinskaya@hse.ru, ORCID: 0000-0003-4778-3287

⁴ blesiv@hse.ru, ORCID:0000-0001-8085-3983

Abstract

The rapid growth of digital platforms and ecosystems has become a significant economic phenomenon on a global scale. This growth is due to the ability of these platforms to provide additional and flexible opportunities that are mutually beneficial for sellers, buyers, and platform employees. As a result, the activities of digital platforms have a positive impact on the overall gross domestic product (GDP) of countries worldwide. However, the process of legally formalizing this phenomenon is lagging behind the economic development. This is because there is still a need for more effective regulations and policies to secure the safe and fair operation of digital platforms. Despite it, the potential benefits of digital platforms continue to outweigh the risks, making them an essential part of the global economy. Due to the need to investigate how the balance between legal and economic development on digital platforms is maintained, they are conceptualized as a novel form of organizing the exchange of goods and services. The focus of this study is on the regulatory and legal frameworks for digital platforms both in Russia and internationally, as well as on the rights and obligations of owners, operators, and users resulting from their participation in market transactions. The study presented does not include digital platforms used in the public sector or social media and messaging services. Comparative legal, formal logic, formal doctrinal, historical legal, as well as analytical, synthetic, and hermeneutical methods are systematically and integrally applied in this article. Based on the research materials, a hypothesis has been proposed regarding three stages of platform regulation globally and in Russia. During the analysis of the three-stage evolutionary process of legal regulation for e-commerce, it has been found that there is often an inconsistency in the impact of various branches of law. This inconsistency includes gaps and conflicts, which lead to unforeseen benefits for stakeholders instead of a systematic interaction within the regulatory framework. This is particularly evident in the lack of a consistent terminology and uniform regulatory principles that consider the specific characteristics of cross-industry digital economy legislation. Based on the experience of foreign countries and the results of three stages of electronic commerce regulation, within the framework of the third stage, platform economy has enabled authors to propose definite structures necessary for a comprehensive approach to the regulation of multidimensional activities on digital platforms. This concerns branches of civil, tax, competition, information, and administrative laws. Additionally, authors have developed a balanced concept of general principles for the transparent operation of digital platforms and their interaction with society, the state, and economic entities.

Keywords

e-commerce; digital platforms; platform economy; Big Tech; platform's intermediary role; legal glossary.

For citation: Koshel A.S., Kuzminov Ya. I., Kruchinskaya E.V., Lesiv B.V. (2025) In Search of Regulatory Optimum for Digital Platforms: A Comparative Analysis. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 2, pp. 4–58 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.4.58

Введение

История содержит многочисленные примеры, подтверждающие тезис о том, что развитие социально-экономических формаций зачастую опережает развитие регулирующих их правовых институтов.

Например, в период активного развития капитализма в Европе наблюдалось несоответствие между потребностями развивающейся рыночной экономики и архаичным феодальным правом, регулировавшим отношения собственности и торговли. В настоящее время цифровые платформы — один из наиболее ярких примеров подобного рода и масштаба, поскольку уже оказали существенное влияние на структуру и принципы торговли, внедрив в способы приобретения товаров и услуг принцип транзакционности.

Подобно другим экономическим и технологическим инновациям цифровые платформы возникают в рамках правовых режимов, разработанных без учета специфики данных инноваций. Наряду с этим функционирование таких экономически значимых институтов вне скорректированного правового поля неизбежно ведет к коллизиям.

Для развития института, оказывающего существенное и непосредственное влияние на повседневные рыночные отношения, необходимо обеспечить рациональную согласованность между целями правового регулирования и целями, преследуемыми соответствующими экономическими институтами и инновациями. Достижение данной согласованности позволит оптимизировать воздействие правовых норм на экономические процессы, обеспечивая предсказуемость и стабильность при сохранении возможности инновационного развития.

При отсутствии конгруэнтной экономико-правовой модели регулирования цифровых платформ, усваивающей структурные и организационные особенности данного сектора экономики, общество сталкивается с потерями как в области стабильности, так и в области прогресса. Данный принцип соответствует положениям теории рационального выбора и нового институционализма [North D.C., 1990: 35]; [Haggard S., Tiede L., 2011: 675].

При несогласованности целей регулирования и экономических институтов возможны провалы рынка, обусловленные неэффективными регуляторными мерами. Чрезмерная жесткость регулирования, несоразмерная потенциальной выгоде, препятствует использованию полезных свойств продукта или услуги, при этом цели права (стабильность, безопасность и т.п.) могут быть достигнуты менее инвазивными средствами. Это может привести к искусственному росту цен или снижению доступности товаров.

Обратная ситуация — отсутствие должного регулирования — способна нанести ущерб потребителям и обществу в целом. Ситуации *non liquet*¹ создают предпосылки для злоупотреблений или оппорту-

¹ Дословно — *не ясно* (лат.). Правовая лакуна или отсутствие четкого правового регулирования.

низма со стороны владельцев и операторов цифровых платформ, в масштабных случаях которых может быть поставлена под угрозу национальная безопасность. Таким образом, важны не только регулирование *per se*, а его адекватность и соответствие инновационному аспекту.

В свете сказанного можно приступить к определению текущего состояния правового регулирования цифровых платформ. Во-первых, деятельность цифровых платформ как одного из самых ярких феноменов современного прогресса по объективным причинам не имеет изначально полноценного правового регулирования, но требует такового ввиду рисков оппортунизма, монополизации и контролирования рынка крупными игроками бизнеса (владельцами и операторами крупных цифровых платформ или цифровых экосистем). Во-вторых, такое регулирование должно быть конгруэнтно целям соответствующего экономического сектора, чтобы не стать искусственным тормозящим фактором его развития. В-третьих, это должно быть правовое регулирование в терминах *lex specialis* — четкое и специфичное (усваивающее специфику регулируемых отношений), поскольку выставление чересчур широкой «нормативной рамки» не только не достигнет названных целей, но и будет способствовать или широкой трактовке норм, или наличию обходных конструкций.

В качестве методологического ориентира для работы над подобной сложносоставной и междисциплинарной проблематикой нередко и весьма справедливо используется принцип *primum non nocere*, или принцип предосторожности, согласно которому «оптимум регуляторной рамки» начинается там, где продолжается эффективное развитие экономического института [Lofstedt R.E., 2003: 39]; [Рылова М.А., 2014: 36], при этом эффективность включает как соблюдение интересов самого экономического института, так и потребителей его продукта. Для проектирования гармоничных и сбалансированных нормотворческих инициатив необходим индуктивный критический анализ правового опыта юрисдикций, уже развивших соответствующий экономический феномен, — это является одной из задач работы.

В отличие от традиционных подходов, рассматривающих цифровые платформы преимущественно как инструменты (будь то программные комплексы, инновационные бизнес-модели или технологическая инфраструктура), в настоящей статье предлагается принципиально иная концептуализация. Цифровые платформы рассматриваются как инновационная форма организации рынка и экономической деятельности с посреднической функцией.

Этот подход подразумевает, что платформы не только облегчают существующие экономические процессы, а формируют новые рыночные структуры, переопределяют отношения между участниками и создают совершенно новые виды ценности. Например, маркетплейсы не только являются онлайн-магазинами; это сложные цифровые продукты — рыночные механизмы, в которых миллионы продавцов и покупателей взаимодействуют друг с другом, формируя глобальный рынок, доступный каждому. При этом термин «маркетплейс» еще не получил правового закрепления ни в одной стране мира.

В связи с этим основной исследовательской проблемой является отсутствие закрепленных правовых норм *lex specialis* относительно платформенной экономики в России, а предметом настоящего исследования является правовое регулирование платформенной экономики, рассматриваемое на примере конкретных типов (видов) цифровых платформ, функционирующих в сфере электронной коммерции (e-commerce).

Актуальность поставленной проблематики для рынка цифровых платформ и экосистем объясняется рядом обстоятельств. Платформенная экономика во многих странах мира сегодня выступает одним из ведущих двигателей экономического развития и роста, создавая новые потоки торговли, ускоряя приток ресурсов и стимулируя предпринимательскую активность [Paun C., Ivascu C., Olteteanu A. et al., 2024: 2203].

С одной стороны, платформы снижают входные барьеры для новых участников рынка. С другой, они объединяют различные экономические субъекты, от малого бизнеса до крупных предприятий, унифицируя правила конкуренции [Hossain M.B., AI-Hanakta R.Y. et al., 2022: 171]. Распространение платформенных экономических форм происходит скорее дискретно, чем эволюционно, что порождает вопросы, требующие конкретизации в рамках действующей правовой системы.

Сама по себе деятельность цифровых платформ не противоречит правовым нормам и развивается как легитимный способ осуществления торговли в рамках общих конструкций гражданского права. Однако, достигая определенного масштаба, платформы формируют сложные экономические структуры, функционирующие по специфическим внутренним принципам и оказывающие существенное влияние на состояние рынка. В связи с этим регулирование *lex specialis* становится необходимым шагом для обеспечения баланса интересов и предотвращения злоупотреблений, обусловленных доминирующим положением платформы.

В указанном аспекте регулирования феномен цифровых платформ хоть и является новым по форме организации рынка (выступает посредником экономического обмена), по форме распространения товаров повторяет успех электронной коммерции, которая развивалась в 2010-е годы. Уже тогда подчеркивалось, что интернет-торговля [Kenney M., Zysman J., 2016: 65] является значимым драйвером развития не только конкуренции, но и инноваций (в случаях, когда компании боролись за внимание потребителя, разрабатывались прорывные технологии рекомендательных систем и удобных интерфейсов) [Deldjoo Y., Jannach D., Bellogin A. et al., 2024: 71]. Особенно значимый рост онлайн-торговля получила в связи с распространением эпидемии COVID-19. Согласно данным Statista², динамика доходов от розничной торговли в электронной коммерции демонстрирует выраженный пик роста в период локдаунов с последующим замедлением темпов по мере снятия ограничительных мер.

В частности, на рынках Китайской Народной Республики (далее — КНР), Европейского союза (далее — ЕС), Российской Федерации (далее — России, РФ) и Республики Корея (далее — РК) соотношение онлайн- и офлайн-продаж с 2026 года приближается к равновесному состоянию. В отличие от этого, рынок Соединенных Штатов Америки (далее — США) демонстрирует устойчивый рост электронной коммерции и экономики платформ.

В целом наблюдается общемировая тенденция к увеличению доли онлайн-торговли, хотя и с различной интенсивностью в разных регионах. Так, в Китае доля онлайн-торговли вырастет с 12,3% в 2017 году до почти 40% к 2029 году, а в США — с 17,7% до более чем 43% за тот же период. В России и странах ЕС этот рост более умеренный, однако и там онлайн-сегмент демонстрирует устойчивый подъем (с 4,1% до 8,8% в России и с 8,4% до 17,2% в ЕС). Эти различия обусловлены рядом факторов, включая уровень развития инфраструктуры, особенности потребительского поведения и культурные традиции.

Ввиду многоаспектности данной проблематики дальнейшее исследование требует решения ключевого вопроса: насколько единообразно понимается сущность регулирования платформенной экономики и границы применимости различных мер, направленных на достижение общего экономического благосостояния? Актуальность вопроса обусловлена отсутствием четких, зафиксированных в

² Available at: URL: <https://www.statista.com/markets/413/e-commerce/> (дата обращения: 10.04.2025)

современных исследованиях дефиниций цифровых платформ и их признаков [Heimburg V., Wiesche M., 2023: 77].

Отсутствие систематизации регуляторных подходов и единых критериев оценки их эффективности в США, КНР, ЕС и РК, вызванное юридикто-техническими трудностями в отграничении участников рыночных процессов, затрудняет разработку нормативных актов и ограничивает использование международного юридического опыта, препятствуя формированию последовательной и предсказуемой правовой среды. В связи с этим предполагается, что принцип *primum non nocere* должен лежать в основе регулирования платформ, минимизируя непредвиденные негативные последствия и обеспечивая экономический рост, а разработка качественного правового глоссария является необходимым условием для сбалансированного регулирования платформенной экономики.

Для корректности и обоснованности правовой терминологии необходимо изучение опыта юрисдикций, где платформенная экономика получила широкое распространение и регламентацию. Отсутствие регуляторной базы ведет к злоупотреблению доминирующим положением, концентрации рыночной власти и недобросовестной конкуренции. Излишне жесткое регулирование может снизить долю рынка и качество функционирования платформы. Лакуной, которую восполняет исследование, является отсутствие систематизированного анализа международного и российского опыта для формирования адекватных дефиниций, а впоследствии и подходов к регулированию платформенной экономики.

1. Этапы развития регулирования электронной коммерции за рубежом

Трансформация правового регулирования платформенной экономики в странах с развитой цифровой средой — эволюционный процесс адаптации законодательства к динамичному развитию электронной коммерции. В этом случае электронная коммерция понимается как феномен, предвещающий появление платформенной экономики. При этом развитие самого экономического института платформ во многих юрисдикциях опережает формирование унифицированных подходов к правовому регулированию [Шелепов А.В., Колмар О.И., 2024: 118]. Эта асинхронность выражается в разнородности регуляторных стратегий, обусловленной различиями в темпах развития цифровых услуг и в приоритетах государственной политики. Комплексное исследование данного феномена составляет отдельную ана-

литическую задачу, требующую выявления оптимального баланса между стимулированием конкуренции, защитой прав потребителей, стимулированием инновационной деятельности и обеспечением национальной экономической безопасности посредством разработки моделей управления, адаптированных к локальным экономическим условиям [Lafuente E., Acs Z.J., Szerb L., 2024: 863].

Несмотря на различия в национальных подходах, можно выделить три этапа, отражающих общие закономерности усложнения правовых конструкций и требующих адекватной реакции законодателя. Детальный анализ этих этапов необходим для прогнозирования направлений дальнейшей эволюции правовых норм и с целью своевременной подготовки законодательной базы к новым вызовам платформенной экономики.

Первый этап (начало XXI века): формирование первичной правовой базы для типичных торговых операций в Интернете. Ключевой задачей являлась защита потребителя как наиболее уязвимой стороны в рознично-торговых отношениях с учетом специфики онлайн-транзакций. В этот период разрабатывались нормы, обеспечивающие прозрачность условий сделок, защиту от недобросовестных продавцов и механизмы разрешения споров. Законодательные органы стремились обеспечить защиту прав потребителей и содействовать развитию новых цифровых форм хозяйственной деятельности.

Примером явилась Директива Европейского союза об электронной коммерции (Directive 2000/31/EC)³, направленная на обеспечение правовой определенности, защиты прав потребителей и создание правовой базы для свободного перемещения товаров и информации. Позднее была принята Директива Европейского союза о правах потребителей (Directive 2011/83/EU)⁴ — комплексный нормативный акт, направленный на защиту прав потребителей, в том числе в цифровой среде.

Аналогичные тенденции наблюдались в РК, где приняты Закон о содействии использованию информационно-коммуникационных сетей и защите информации и Закон о защите потребителя в электронной торговле⁵. Целью последнего являлось упрочение защиты прав и интересов потребителей посредством установления правил справедливой торговли и содействие устойчивому развитию нацио-

³ The Official Journal of the European Union. L 178, 17.07.2000, pp. 1–16.

⁴ The Official Journal of the European Union, L 304, 22.11.2011, pp. 64–88.

⁵ Официальный сайт Корейского института исследований законодательства. Available at: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=38422&lang=ENG, https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=38513&lang=ENG (дата обращения: 22.04.2025)

нальной экономики. Аналогичные нормы, обеспечивающие защиту прав потребителей, были приняты в США (Закон о восстановлении доверия онлайн-потребителей—Restore Online Shoppers' Confidence Act — ROSCA, 2010)⁶ и КНР (E-Commerce Law of the People's Republic of China, 2018)⁷.

Важно, что принятые корейскими и китайскими властями первичные меры, несмотря на их кажущуюся «запоздалость», стали ответом на те же вызовы, с которыми имели дело упомянутые акты других государств, поэтому они согласуются с концепцией первого этапа регулирования электронной коммерции.

Регуляторный подход первого этапа отражал признание взаимосвязи между развитием цифровых платформ и электронной коммерции и обеспечением доверия потребителей, а также предоставлением им гарантий защиты от потенциальных рисков, связанных с дистанционными сделками. Законодатели стремились к балансу между инновациями и безопасностью, внедряя нормы, регулирующие вопросы прозрачности, прав потребителей при возврате товаров и услуг, а также создавая механизмы разрешения споров.

Одновременно с этим правовые рамки, разработанные для ранней электронной коммерции, оказались недостаточными для регулирования развивающихся цифровых платформ. Новые механизмы, инструменты и бизнес-модели (платформенные экосистемы, искусственный интеллект, алгоритмизированная торговля, технологии отслеживания персональных предпочтений, социальные сети как каналы продаж) означали новые вызовы законодателям.

Первоначальный акцент на регулировании именно электронной коммерции, сфокусированный на простых транзакциях «продавец-покупатель», оказался недостаточным для охвата всего спектра взаимодействий и рисков, возникающих в рамках платформенной экономики. Необходимость адаптации правового регулирования была обусловлена усложнением структуры новых цифровых форм хозяйствования, включая появление платформенных экосистем, использование искусственного интеллекта и алгоритмизированной торговли, применение технологий отслеживания персональных предпочтений и интеграцию социальных сетей в каналы продаж.

⁶ Официальный сайт Федеральной торговой комиссии США. Available at: URL: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/statutes/restore-online-shoppers-confidence-act> (дата обращения: 22.04.2025)

⁷ Официальный сайт Организации по продовольствию и сельскому хозяйству ООН. Available at: URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/chn215050.pdf> (дата обращения: 22.04.2025)

Переход к следующему этапу развития правового регулирования характеризовался осознанием недостаточности принятых ранее норм для комплексной защиты прав потребителей и необходимостью расширения сферы регулирования для охвата новых видов деятельности и возникающих рисков, в частности, связанных с контролем качества продукции, распространяемой через цифровые платформы. Предпринятые на последующих этапах меры позволили лишь частично восполнить создавшиеся пробелы, что будет показано далее.

Второй этап (2010-е гг.) характеризуется расширением сферы правового регулирования для охвата вопросов защиты персональных данных потребителей, что стало ответом на рост онлайн-торговли и увеличение объемов пользовательских данных. Целью являлось создание правовых механизмов, гарантирующих конфиденциальность и защиту персональной информации пользователей.

Европейский союз в 2016 году принял Генеральный регламент ЕС о защите информации 2016/679 (General Data Protection Regulation, GDPR⁸), устанавливающий единые стандарты обработки персональных данных. РК в 2011 году приняла Закон о защите персональной информации (Personal Information Protection Act⁹), а в КНР в 2021 году был введен в действие Закон о защите персональной информации¹⁰.

В США регулирование защиты персональных данных пользователей цифровых платформ осуществляется преимущественно на уровне штатов, например, в Калифорнии, где этот вопрос регулируется в аспекте охраны конституционного права на неприкосновенность частной жизни (расширенный в 2013 году Закон Калифорнии о защите частной жизни в онлайн среде — California Online Privacy Protection Act (2003)¹¹, Закон Калифорнии о неприкосновенности частной жизни потребителей — California Consumer Privacy Act (2018)¹² и принятый *на референдуме* Закон Калифорнии о праве на

⁸ The Official Journal of the European Union, L 119, 4.5.2016, pp. 1–88.

⁹ Официальный сайт Корейского института исследований законодательства. Available at: URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=53044&lang=ENG (дата обращения: 22.04.2025)

¹⁰ Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. Available at: URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm (дата обращения: 22.04.2025)

¹¹ Официальный сайт Законодательного органа (легислатуры) Калифорнии. Available at: URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=BPC&division=8.&title=&part=&chapter=22.&article= (дата обращения: 22.04.2025)

¹² Там же. Available at: URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201720180AB375 (дата обращения: 22.04.2025)

частную жизнь, усиливающий регулирование предыдущего акта — California Privacy Rights Act (2020)¹³. Данные законы устанавливают повышенные гарантии и более строгие требования к обработке персональных данных, сходные с подходами, заложенными в GDPR (ЕС).

Таким образом, второй этап характеризуется признанием значимости защиты персональных данных в условиях растущего влияния цифровых платформ и принятием соответствующих законодательных актов. Однако регулирование, исходящее из понимания цифровых платформ как инструмента сделок, а не как самостоятельного посредника, создает риски некорректного правоприменения. Недостаточное внимание к роли платформы как посредника, оперирующего персональными данными, а также отсутствие преемственности с предыдущим этапом регулирования и комплексного подхода потенциально ослабляет защиту персональных данных и создает трансакционные издержки потребителей и предпринимателей.

Третий (современный) этап развития правового регулирования (с начала 2020-х годов) платформенной экономики представляет собой реакцию на усложнение ее структуры и усиление доминирующих позиций крупных цифровых платформ, являясь логическим продолжением ответов на вопросы, возникшие на втором этапе. Увеличение вычислительных мощностей, объемов обрабатываемых данных и распространение интеллектуальных алгоритмов позволило платформам аккумулировать не только персональные данные пользователей, но и контролировать значительные массивы информации, утечка которой может угрожать национальной безопасности.

Платформы получили возможность целенаправленного использования накопленных данных, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта, для достижения коммерческих и иных целей. Все это создало (и продолжает создавать) предпосылки монопольного (или доминирующего) положения на рынках и вытеснения конкурентов, использующих традиционные формы торговли. Подобное положение противоречит принципам достижения общего экономического равновесия и эффективного распределения ресурсов — например, согласно модели Курно¹⁴, описывающей преиму-

¹³ Официальный сайт Офиса Генерального прокурора Калифорнии. Available at: URL: <https://oag.ca.gov/system/files/initiatives/pdfs/19-0017%20%28Consumer%20Privacy%20%29.pdf> (дата обращения: 22.04.2025)

¹⁴ Модель Курно демонстрирует, что совершенная конкуренция обеспечивает более эффективное распределение ресурсов и достижение общего экономического равновесия, нежели олигополистический рынок, характеризующийся ограниченным числом участников и, как следствие, искажением ценообразования.

щества совершенной конкуренции в сравнении с олигополистическим рынком.

Действительно, в крупных цифровых экономиках прослеживается четкая тенденция к монополизации, что подтверждает целесообразность направления третьего этапа регулирования. За счет «эффекта масштаба» и «сетевых эффектов» одна доминирующая компания, владеющая популярной цифровой платформой, захватывает значительную долю рынка (от 20% до 45%). Это видно на примере Tmall в Китае (45%), Amazon в США (30%) и Amazon в странах ЕС (20%) (см. рис.1). Напротив, на более мелком рынке РК конкуренция остается более сбалансированной, и там присутствует несколько крупных игроков.

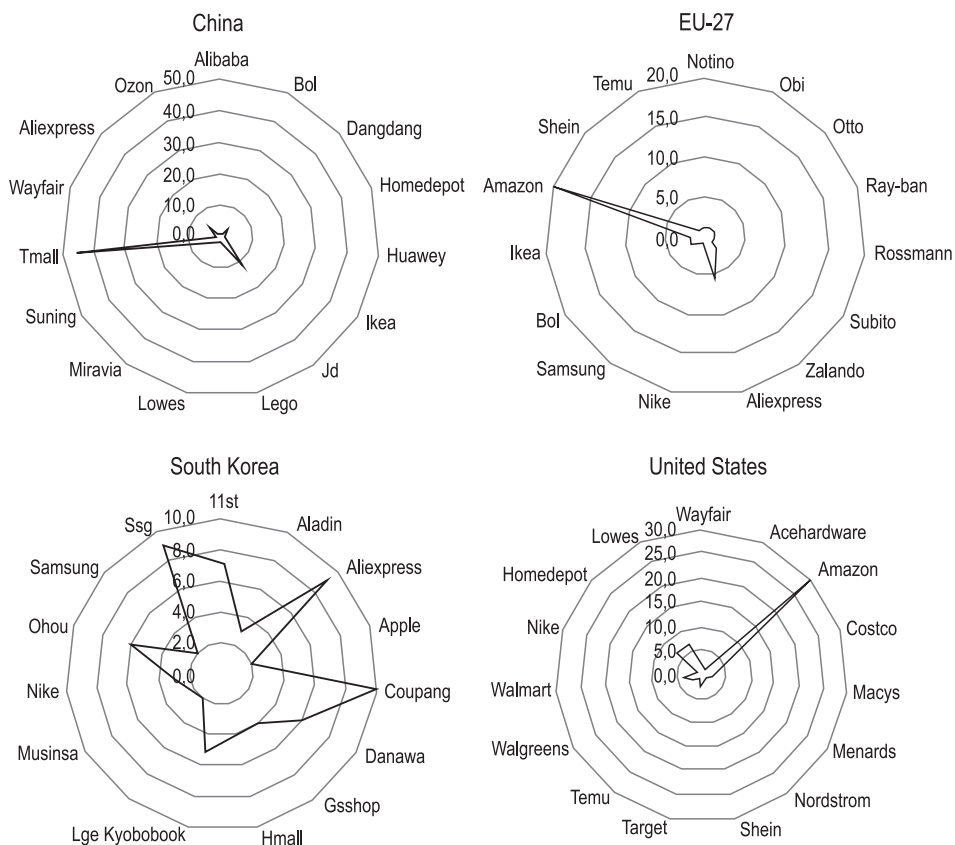

Рис. 1. Распределение крупных игроков в рассматриваемых юрисдикциях. Источник: Statista¹⁵

¹⁵ URL: <https://www.statista.com/outlook/ecommerce-outlook>

Такой беспрецедентный рост концентрации рыночной власти и глобального неравенства, который наблюдается в КНР, США и странах ЕС, может привести к долгосрочной нестабильности. В связи с этим антимонопольное регулирование, уже сыгравшее важную роль в регламентации традиционных рыночных отношений покупателя и продавца, должно быть адаптировано и усилено для обеспечения баланса и устойчивого развития в цифровой среде. Именно в рамках решения антимонопольных задач — в рамках ответа на поставленные вызовы доминирующего положения — рассматриваемые юрисдикции приступили к продолжению работы над правовыми проблемами, которые остались не разрешенными по итогам второго этапа (недостаточное внимание к специфике посреднической роли платформ на рынке).

В ряде стран, где наблюдается наибольшая монополизация рынка, приняты законы, которые можно рассматривать как третий этап регулирования (КНР и ЕС). Так, в рамках третьего этапа ЕС внедрил нормативно-правовую базу для цифрового сектора посредством Закона о цифровых рынках (2022; далее—DMA)¹⁶ и Закона о цифровых услугах (2022; далее—DSA)¹⁷. Закон о цифровых рынках дает Европейской комиссии полномочия надзора за крупными цифровыми платформами (далее — КЦП), определенными как «gatekeepers» (посредники)¹⁸. DMA направлен на создание справедливых и конкурентных условий для бизнеса и конечных пользователей. «Посредники» определяются как субъекты, оказывающие «ключевые платформенные услуги» (далее — КПУ), перечисленные в ст. 2, и соответствующие количественным порогам выручки и охвата активных пользователей, которые указаны в ст. 3 с целью презюмирования существенности их влияния на рынок. Кроме того, для официального подтверждения такого статуса требуется решение Еврокомиссии, которое оформляется платформами в результате уведомления комиссии о достижении указанных пороговых значений.

Оба закона демонстрируют комплексный подход ЕС, основанный на оценке масштабов деятельности цифровых платформ и возлагающий дополнительные обязательства на КЦП в силу их значительной

¹⁶ The Official Journal of the European Union, L 265, 12.10.2022, pp. 1–66.

¹⁷ Ibid. L 277, 27.10.2022, pp. 1–102.

¹⁸ Понятие на английском языке очень образно передает суть такого цифрового посредничества — платформы выступают своеобразными «консьержами» или «контролерами», которые имеют доступ к информации о «входящих» на платформу и имеют возможность правомерно или неправомерно препятствовать такому доступу.

рыночной силы и потенциальных рисков для стабильности гражданского оборота. DMA и DSA уделяют большое внимание операционной деятельности, обязанностям и ответственности крупных, доминирующих цифровых платформ (далее — ЦП), с прицельным формированием правовых подходов, исходя из специфики регулируемых правоотношений, что подчеркивает повышенное внимание регулятора к созданию честной конкурентной среды.

В Китае регулирование цифровых платформ опирается на Анти-монопольный закон КНР (Anti-monopoly Law of the People's Republic of China; 反垄断法¹⁹), принятый в 2008 году. Ключевые поправки, затрагивающие деятельность цифровых платформ, вступили в силу 1 августа 2022 года. Антимонопольный закон подразумевает возможность принятия подзаконных актов и разъяснений. В 2021 году Государственный совет Китая принял Антимонопольные принципы (руководство) платформенной экономики²⁰.

В настоящее время в Китае детализируются специальные требования к операторам цифровых платформ через ряд подзаконных актов, находящихся на стадии публичного обсуждения. В октябре 2021 года был опубликован проект Руководящих принципов, предлагающий классификацию цифровых платформ, дифференцируя платформы на основе таких критериев, как основная сфера деятельности, число активных пользователей и рыночная капитализация. В соответствии с Принципами классификации и категоризации интернет-платформ, изданными Государственным управлением регулирования рынка, выделено шесть типов цифровых платформ: посреднические платформы онлайн-продаж, платформы услуг в сфере жизнеобеспечения, платформы социальных развлечений, информационные платформы, платформы финансовых услуг и платформы вычислительных услуг.

Наряду с этим китайские власти за последние годы предприняли ряд комплексных изменений подзаконного антимонопольного регулирования с целью усвоения специфики отношений, складывающихся в цифровой экономике. Все изменения стали предметом

¹⁹ Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей КНР. Available at: URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2009-02/20/content_1471587.htm (дата обращения: 22.04.2025)

²⁰ См.: Antitrust Guidelines For the Platform Economy in the Era of Enhanced Antitrust Scrutiny. Available at: <https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2021/03/10-Antitrust-Guidelines-for-the-Platform-Economy-in-the-Era-of-Enhanced-Antitrust-Scrutiny-By-Wei-Huang-Wendy-Zhou-Xiumin-Ruan-Xi-Zhang.pdf> (дата обращения: 22.04.2025)

открытой дискуссии с участием власти, экспертов и деятелей реального сектора. Так, в 2023 г. Госуправлением регулирования рынка издано Положение о запрете злоупотребления доминирующим положением на рынке (Provisions on Prohibiting Abuse of Dominant Market Positions; 禁止滥用市场支配地位行为规定)²¹, которое, в частности, предусмотрело запрет доминирующим платформам использовать полученные ими данные или свои алгоритмы, технологии, правила для действий, направленных на злоупотребление доминирующим положением на рынке. Доминирующие платформы также обязаны применять дифференцированный подход к формулированию условий сделок для контрагентов по аналогичным сделкам без уважительных причин²².

Согласно указанному документу, доминирующим рыночное положение признается²³, если оператор может контролировать цены, объемы или другие транзакционные условия либо имеет возможность препятствовать вхождению или влиять на вхождение других операторов на рынок. Кроме того, изменения в регулировании выразились также и в Положении о запрете монополистических соглашений (Provisions on Prohibition of Monopoly Agreements; 禁止垄断协议规定²⁴), запрещающем цифровым платформам использовать данные, алгоритмы, технологии и правила платформы для заключения горизонтальных и вертикальных монопольных соглашений посредством сообщения о намерениях в любой форме, обмена конфиденциальной информацией или налаживания согласованных действий.

К примеру, данными актами не допускаются сговор с целью применения одних и тех же алгоритмов и правил платформы для расчета цен разных продавцов, получение выгоды от поддержания фиксированных цен, а также согласованное распределение рынка сбыта или закупок. В КНР в последние годы также уделяется внимание одному из обозначенных проблемных аспектов, касающемуся защиты данных. 30 сентября 2024 года Госсовет КНР издал Правила о безопасности сетевых данных (Regulations on Network Data Security Management), вступившие в силу с 1 января 2025 года²⁵.

²¹ Официальный сайт Правительства КНР. Available at: URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5754539.htm (дата обращения: 23.04.2025)

²² Ст. 21 и 22 указанного Положения.

²³ Ст. 6 указанного Положения.

²⁴ Официальный сайт Правительства КНР. Available at: URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5754538.htm (дата обращения: 23.04.2025)

²⁵ Там же. Available at: URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202409/content_6977766.htm (дата обращения: 23.04.2025)

Документ фокусируется на вопросах кибербезопасности, конфиденциальности данных и вводит правила, запрещающие операторам использовать данные для дискриминации пользователей или поставщиков. Правила обладают экстерриториальным действием и применяются к платформам, осуществляющим сетевую обработку данных как на территории КНР, так и за ее пределами, если эта деятельность может нанести ущерб национальной безопасности, публичному интересу или законным интересам граждан КНР. Правила охватывают защиту не только личной информации, но и любой другой, обрабатываемой и генерируемой посредством интернет-сетей в зависимости от трех категорий — общие данные (general data), важные данные (important data) и критически важные данные (core data).

Общие стандарты защиты информации в Китае предполагают кумулятивные меры, принимаемые операторами данных в зависимости от трех указанных категорий. Особое внимание уделяется защите важных данных, к которым относятся сведения, которые в случае их подделки, уничтожения, утечки, незаконного получения или незаконного использования могут поставить под угрозу национальную безопасность, экономическую деятельность, социальную стабильность, здравоохранение и безопасность населения КНР. К обладателям важных данных предъявляются повышенные требования информационной безопасности: полномасштабная оценка рисков ежегодно и перед каждой передачей таких данных третьей стороне, а также отчетность о применяемых для защиты таких данных технологиях.

Правилами введены специальные нормы²⁶, подчеркивающие необходимость особого внимания к доминирующим платформам:

платформы, обрабатывающие данные более чем 10 млн. человек, обязаны соблюдать стандарты, предъявляемые к владельцам «важных данных»;

«крупные платформы» обязаны воздерживаться от использования данных, алгоритмов или пользовательских условий для осуществления недобросовестных и вводящих в заблуждение действий, таких как принудительная обработка данных или дискриминация пользователей; они обязаны учредить независимый надзорный орган по надзору за защитой персональных данных, состоящий как из сотрудников, так и из внешних экспертов; публиковать ежегодный отчет о социальной ответственности в части защиты персональных данных.

²⁶ П. 8 ст. 62 указанных Правил.

Регулирование цифровых платформ в КНР характеризуется комплексным и жестким подходом, направленным на обеспечение конкуренции и защиты данных. Особенности являются признание значимости платформ как самостоятельного вида деятельности, акцент на антимонопольном регулировании, строгие требования к защите данных, экстерриториальное действие законодательства и усиление контроля над крупными платформами. Это отражает стремление к всестороннему контролю и специфику политической и экономической системы страны.

Республика Корея, в свою очередь, демонстрирует более мягкий подход к регулированию цифровых платформ. В 2021 году внесены поправки в Закон о телекоммуникационном бизнесе, запрещающие операторам магазинов приложений недобросовестные действия в отношении разработчиков приложений. В настоящее время Корейская комиссия справедливой торговли (далее—KFTC) и правительство обсуждают дополнительные меры регулирования, включая требование к операторам иностранных платформ назначать представителя в Корее и поощрение саморегулирования.

12 января 2023 года KFTC опубликовала «Руководящие принципы при рассмотрении злоупотреблений доминирующим положением на рынке со стороны операторов онлайн-платформ» (Руководящие принципы монополии онлайн-платформ)²⁷, разъясняющие действующее антимонопольное законодательство. Более того, 11 сентября 2024 года KFTC объявила о новой дорожной карте регулирования, предлагая в ней следующие поправки к только что принятому Закону о регулировании монополий и справедливой торговле (далее — MRFTA)²⁸. При этом председатель Комиссии отметил, что, несмотря на изначально другую концепцию, было принято решение пойти по альтернативному пути разработки точных пороговых значений для установления презумпции доминирования на рынке, после которого наступает применение строгого перечня запрещенных действий (в противоположность подходу ЕС, где регулирование действует по принципу «ex-ante», т.е. превентивного вмешательства с целью не-

²⁷ См.: Сайт «Глобальное конкурентное обозрение». Available at: URL: <https://globalcompetitionreview.com/guide/digital-markets-guide/fourth-edition/article/south-korea-kftc-calls-additional-legal-measures-regulate-online-players#:~:text=On%2012%20January%202023%2C%20the,sector%20of%20the%20digital%20market>. (дата обращения: 22.04.2025)

²⁸ Официальный сайт Корейского института исследований законодательства. Available at: URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=64980&lang=ENG (дата обращения: 22.04.2025)

допущения злоупотреблений)²⁹. Разработка регулирования будет вестись в ракурсе шести типов платформ: транзакционные посреднические платформы, поисковые системы, видеоплатформы, социальные сети, операционные системы и рекламные платформы.

Отличительной чертой регулирования в Республике Корея является активное продвижение саморегулирования отрасли платформенной экономики. В июле 2022 года учрежден Совет регулирования платформ, а в августе того же года — Организация негосударственно-го саморегулирования цифровых платформ (Платформенная СРО), работающая в четырех подразделениях: (1) отношения платформ и бизнес-пользователей, (2) потребители, (3) данные и искусственный интеллект, а также (4) инновации и управление.

Несмотря на преимущества саморегулирования, KFTC настаивает на необходимости введения дополнительных правил в отношении крупных цифровых платформ. Задержка законодательных решений может быть связана с доминированием платформ США, что вносит трансграничный элемент и вызывает столкновение экономико-политических интересов.

В США третий этап развития также пришелся на период с начала 2020-х годов и характеризуется реакцией на рыночные злоупотребления цифровых гигантов и противоречивым взаимодействием между заинтересованными сторонами, а также препятствиями для законодательных решений из-за противодействия со стороны доминирующих корпораций.

В 2020 году Судебный комитет Палаты представителей США опубликовал отчет³⁰, в котором предъявил доказательства антиконкурентного поведения крупных технологических компаний. В Конгрессе США сегодня находятся два межпартийных законопроекта, одобренных профильными комитетами: проект Закона об американских инновациях и выборе в Интернете (American Innovation and Choice Online Act, AICOA³¹) и проект Закона об открытых рынках приложений (Open App Markets Act, OAMA³²).

²⁹ См.: Аналитический ресурс «Asia Law». Available at: URL: <https://www.asialaw.com/NewsAndAnalysis/korea-fair-trade-commissions-new-roadmap-for-online-platform-regulation/Index/2131> (дата обращения: 22.04.2025)

³⁰ Официальный сайт Судебного комитета Палаты представителей США. Available at: URL: <https://democrats-judiciary.house.gov/news/documentsingle.aspx?DocumentID=5025> (дата обращения: 22.04.2025)

³¹ Официальный сайт Конгресса США. Available at: URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3816> (дата обращения: 22.04.2025)

³² Там же. Available at: URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5017> (дата обращения: 22.04.2025)

AICOA затрагивает ресурсы с более чем 50 млн. активных пользователей в месяц в США (или не менее 100 тыс. активных бизнес-пользователей в месяц) и рыночной капитализацией не менее 600 млрд. долл., связанные с: (1) созданием и обменом контентом, (2) поиском или (3) продажей, доставкой или рекламой товаров или услуг. На практике законопроект планирует затронуть Google, Apple, Amazon, Microsoft и др. ОАМА касается магазинов приложений и связанных с ними операционных систем, таких как iOS, Apple App Store, Google Play и Android, Microsoft Store на Windows и так далее.

В США спроектированы два дефинитивных типа цифровых платформ — в отношении магазинов приложений и в отношении других цифровых платформ, включая цифровые гиганты. ОАМА ориентирован на пресечение самопреференционных практик (self-preference) магазинов приложений, а AICOA содержит ряд более подробных и узкоспециализированных требований, направленных на более широкий сегмент платформенной экономики. Помимо запрета самопреференции AICOA содержит предписания, включающие запреты дискриминации пользователей, ограничения доступа без использования других продуктов платформы, использования непубличных данных бизнес-пользователей для конкуренции с их продуктами, препятствования доступу к данным, созданным пользователями, и препятствования удалению предустановленного программного обеспечения или изменению настроек «по умолчанию».

Хотя AICOA и ОАМА еще не приобрели силу закона, в США уже предприняты первые децентрализованные шаги по сдерживанию антиконкурентной деятельности платформ. В 2020 году федеральным окружным судом Северного округа Калифорнии были рассмотрены два спора по иску Epic Games к Google³³ и Apple³⁴, решения по которым стали прецедентами. В деле против Google жюри присяжных признало действия Google антиконкурентной практикой со свойствами монополии. Суд издал постоянный судебный запрет на воспрепятствование установке альтернативных магазинов приложений для Android, а также на выплату поощрений или предоставление скидок девелоперам, которые выпускают приложения исключительно через Play Store. В деле против Apple суд признал нарушением антимонопольного законодательства практику компании по воспре-

³³ Epic Games, Inc. v. Google LLC et al. US District Court for the Northern District of California. MDL Case No. 21-md-02981-JD.

³⁴ Epic Games, Inc. v. Apple, Inc. US District Court for the Northern District of California. Case No. 21-16695.

пятствованию переходу пользователей на другие сайты и магазины приложений (anti-steering policies).

Сравнение регулирования цифровых платформ в РК, США, КНР и ЕС демонстрирует разнообразие подходов: от акцента на саморегулирование в РК до попыток принятия масштабных законодательных актов в США и жесткого государственного контроля и экстерриториального действия законодательства в КНР. Наиболее комплексным, но и наиболее спорным является подход к регулированию крупных платформ, определенных в Европейском союзе (DMA и DSA).

Рассмотренный опыт показывает, что все юрисдикции стремятся к обеспечению конкуренции, защите данных и прав потребителей. Таким образом, происходит адаптация правовых систем к вызовам платформенной экономики — хотя и с разной степенью жесткости. Рассмотренные судебные решения демонстрируют актуальность проблемы: отсутствие должного законодательного регулирования приводит к фрагментарному и сложному разрешению вопросов честной торговли с участием цифровых гигантов, что не обеспечивает соразмерного сдерживания злоупотреблений доминирующим положением. Судебные решения подтверждают неправомерность обременительных условий, предъявляемых цифровыми гигантами контрагентам, что в конечном счете негативно сказывается на потребителях.

Третий этап регуляторно преемственен: правила антимонопольного и гражданско-правового регулирования, а также защиты данных пользователей формируют самостоятельные характеристики услуг цифровых платформ. В силу влияния качества оказания данных услуг на состояние конкуренции к их оказанию должны предъявляться обоснованно высокие специальные требования, включая строгие запреты, что соответствует регуляторной политике, начатой в XXI веке.

В целом третий этап выявляет взаимосвязь регуляторных и терминологических проблем: отсутствие четких дефиниций понятий платформенной экономики затрудняет разграничение интересов участников и эффективное регулирование. Необходимость качественных правовых определений обусловлена потребностью отграничить платформенную деятельность от иных видов, выявить признаки самостоятельности услуг платформ, учесть их влияние на конкуренцию и определить критерии значимых цифровых платформ. Введение критериального разграничения цифровой платформы, ее типов, операторов, бизнес-пользователей и потребителей является актуальной задачей, поскольку отсутствие такового служит источником коллизий.

Анализ зарубежного опыта демонстрирует эволюцию регулирования цифровых платформ, каждый этап которого последовательно решал те или другие проблемы, но динамика платформенной экономики обусловила появление новых вызовов. Несмотря на прогресс в антимонопольном регулировании, защите данных и терминологической определенности, комплексный подход, учитывающий специфику национальной экономической среды, остается ключевым. В связи с этим анализ регуляторной среды Российской Федерации с ее уникальными особенностями, такими как влияние налогового законодательства, имеет особую ценность для разработки адаптивной и сбалансированной модели регулирования платформенной экономики.

2. Отечественный опыт регулирования электронной коммерции: анализ нормативного поля в контексте парадигмы «трех этапов»

Исследование зарубежного опыта регулирования платформенной экономики позволило выделить три отчетливых этапа эволюции правовых норм. Последующий анализ сфокусирован на законодательных решениях, принятых в Российской Федерации в периоды, сопоставимые с выделенными этапами развития зарубежного регулирования. Целью данного раздела является определение направлений для дальнейшего развития регулирования, учитывающих как соответствие общемировым тенденциям, в том числе в свете особенностей налогообложения, так и необходимость решения существующих и потенциальных проблем в сфере платформенной экономики.

Особое внимание будет уделено анализу соответствия российского регулирования второму и третьему этапам развития, связанным с защитой данных и внедрением комплексного подхода. Данная фокусировка позволит выявить области, требующие совершенствования, и сформулировать практические рекомендации для развития законодательства.

На первом этапе (первичная защита потребителей) ключевым стало введение института дистанционной продажи товаров в ст. 26.1 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³⁵ (далее — Закон о защите прав потребителей), что позволило адаптировать механизмы защиты прав по-

³⁵ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

требителей к специфике онлайн-торговли. Нормы Закона включали установление требований к информации о товаре, праву на отказ и гарантиям качества. При этом данный шаг заложил основу для регулирования отношений в цифровой среде, но фокусировался преимущественно на классической модели «продавец-потребитель», которая подразумевает только факт купли-продажи и взаимодействие продавца и потребителя без цифрового посредничества.

Второй этап характеризовался расширением сферы регулирования на цифровые агрегаторы. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 112-ФЗ³⁶ закрепил в Законе о защите прав потребителей свободу выбора формы оплаты, а Федеральный закон от 1 июля 2021 № 266-ФЗ³⁷ установил в информационном законодательстве рамки для сбора и анализа данных о потребителях. Важным нововведением стало определение «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)», что позволило распространить потребительские гарантии на цифровые платформы. Более того, федеральными законами от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ³⁸ и от 1 мая 2022 г. № 135-ФЗ³⁹ положения Закона о защите прав потребителей были конкретизированы в части ответственности владельцев агрегаторов за их нарушение. В связи с этим закрепление статуса агрегатора стало важным шагом в адаптации законодательства к реалиям платформенной экономики, размывающей традиционную границу между продавцом и посредником. Однако сохраняется необходимость детализации ответственности агрегаторов и операторов платформ, а также разграничения их функций. Близость понятия «владелец агрегатора» к определению «владельцев цифровых платформ» [Запьянцев А.А., 2024: 57] указывает на потенциал для унификации терминологии и дальнейшего развития регулирования.

На втором этапе развития регулирования платформенной экономики в России был сформирован подход к распределению прав и обязанностей продавцов, владельцев агрегаторов и потребителей, направленный на обеспечение гарантий прав потребителей в цифровой торговле и создание условий для развития бизнеса.

Анализ структуры рынка цифровой торговли в России (рис. 2) показывает относительно сбалансированную конкуренцию, характеризующуюся наличием нескольких крупных игроков. Схожая

³⁶ СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2317.

³⁷ СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5094.

³⁸ СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4839.

³⁹ СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3021.

ситуация наблюдается в Республике Корея, где разрабатывается специфический регуляторный подход с элементами саморегулирования. Конкурентная среда в России, в отличие от США, ЕС и Китая, может быть объяснена меньшими экономическими объемами цифровых рынков, а также регуляторной политикой, направленной на поддержание стабильности отношений между участниками рынка.

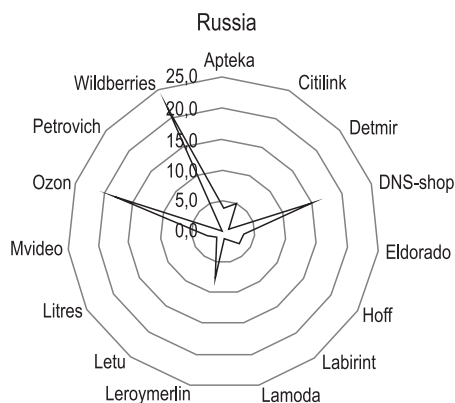

Рис. 2. Распределение крупных игроков в России.

Источник: Statista⁴⁰.

В соответствии с тенденциями развития законодательства на международном уровне на третьем этапе развития регулирования цифровой торговли в России принят Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»⁴¹ (пятый антимонопольный пакет), направленный на усиление контроля над деятельностью крупных цифровых платформ и предотвращение злоупотреблений доминирующим положением на рынке. Закон № 301-ФЗ вносит изменения в антимонопольное регулирование, адаптированные к специфике цифровых платформ, включая расширение критериев определения доминирующего положения, усиление ответственности за антиконкурентные соглашения (в том числе с использованием алгоритмов), требования к прозрачности алгоритмов и данных, а также расширение полномочий Федеральной антимонопольной службы (далее — ФАС). Принятие пятого антимонопольного пакета свидетельствует о стремлении российского законодателя следовать международным

⁴⁰ URL: <https://www.statista.com/outlook/ecommerce-outlook>

⁴¹ СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5319.

тенденциям в регулировании цифровой экономики и противодействии антиконкурентным практикам крупных платформ.

Вместе с тем анализ законодательства выявляет проблему отсутствия унифицированного терминологического аппарата, в частности, четкого определения «цифровой платформы». Предполагается, что отсутствие четких дефиниций ведет к неоднозначному толкованию закона, к проблемам с квалификацией субъектов, подпадающих под его действие, и, следовательно, к затруднениям в правоприменении и нарушению принципа равенства перед законом. Для реализации положений пятого антимонопольного пакета необходима дальнейшая разработка законодательных и подзаконных актов, а также формирование судебной практики, учитывающей специфику цифровых рынков.

В целом в России отсутствует комплексное регулирование цифровых платформ, что наряду с разрозненностью определений в сфере цифровой торговли (понятийный аппарат Закона № 301-ФЗ хоть и является большим шагом вперед, но не рассчитан на охват всего межотраслевого регулирования) создает бизнесу риски и требует значительных ресурсов на обеспечение соответствия многочисленным актам. Несмотря на общее регулирующее воздействие Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) на гражданские и налоговые отношения, в которые вовлечены цифровые платформы, отсутствует специальная регламентация, усваивающая особенности платформенной экономики. В частности, в отличие от торговых агрегаторов с прозрачной оплатой, информационные платформы (классифайды, соцсети) создают риски неполного отражения доходов пользователей, требуя повышенного внимания со стороны налоговых органов.

Разрозненность определений цифровой торговли — проблема, выходящая за рамки пятого антимонопольного пакета. Системное регулирование упростило бы планирование бизнеса, тогда как сейчас требуются значительные ресурсы на соответствие многочисленным актам. ГК РФ и НК РФ оказывают общее регулирующее воздействие, но не являются регулированием платформенной экономики как таковой, а регламентируют в общем гражданские и налоговые отношения, в которые вовлечены цифровые платформы. ГК РФ регулирует отношения между платформой и пользователями-исполнителями (поручение, комиссия, агентирование, оказание услуг) и между пользователями-исполнителями и заказчиками (заключение договоров, купля-продажа, подряд, оказание услуг).

При этом НК РФ устанавливает общие правила уплаты налога на доход физических лиц и прибыль организаций. Однако в отличие от торговых цифровых агрегаторов (маркетплейсов), где оплата сделок прозрачна, информационные платформы (классифайды, соцсети), оказывающие только информационные услуги без фиксации контактов и платежей, создают ситуацию, при которой пользователи могут не учитывать доходы, несмотря на действие общих норм налогового законодательства. Специальная регламентация деятельности классифайдов в этой части отсутствует.

При этом стоит отметить, что в рамках третьего этапа регулирования приняты меры специализации налоговых режимов цифровых платформ. Статьей 208 НК РФ вводится норма, согласно которой к облагаемым доходам относится вознаграждение за работы, услуги и права на интеллектуальную собственность, оказанные/предоставленные через Интернет с использованием российской доменной зоны или технических средств, размещенных в РФ. Это правило распространяется и на индивидуальных предпринимателей, владельцев платформ, оказывающих посреднические услуги. Данная норма направлена на повышение собираемости налогов с доходов, получаемых через российские цифровые платформы, и установление равных условий налогообложения для различных видов деятельности. Однако действенность указанной нормы будет определяться практическими аспектами ее применения и возможностью налоговых органов выявлять случаи, когда доходы от деятельности на цифровых платформах не отражаются в полном объеме.

Последние изменения в НК РФ (ст. 284), которые затрагивают вопросы налогообложения доходов от оказания услуг в Интернете по размещению объявлений и предложений, однако, предусматривают исключение для маркетплейсов, служб заказа такси и еды. Данное исключение наряду с терминологической неоднородностью, свойственной регулированию ЦП, указывает на необходимость дальнейшей систематизации подходов. Предполагается, что к указанным трем видам платформ применяются общие нормы НК РФ о налогообложении прибыли организаций. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»»⁴² предлагает более четкое определение операторов электронных площадок, охватывающее широкий спектр участников платформенной экономики, включая крупные платформы.

⁴² СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

Таким образом, названный Федеральный закон в контексте налогообложения является более последовательным и универсальным инструментом регулирования цифровых платформ по сравнению с отдельными положениями НК РФ, которые тем не менее нуждаются в дальнейшей интерпретации и согласовании с другими нормативными актами.

В качестве позитивного примера следует отметить, что в рамках третьего этапа развития нормативно-правового регулирования цифровой торговли Федеральная налоговая служба (далее — ФНС) организовала информационный обмен с 70 операторами электронных площадок, включая системообразующие цифровые платформы различных типов (Wildberries, You Do, Яндекс Такси и др.), с целью упрощения процедуры уплаты налога пользователями. Несмотря на данную инициативу, свидетельствующую о прогрессе в регулировании отдельных аспектов платформенной деятельности, общий объем нормативного воздействия на платформенный бизнес остается неравномерным. Несоответствие критериев отнесения к «операторам электронной площадки» для целей взаимодействия с ФНС определениям цифровых платформ, которые используются в других отраслевых законах, может снижать предсказуемость правоотношений с иными регуляторами и органами контроля (Роспотребнадзор и др.).

Вышеописанное показывает, что несмотря на своевременные инициативы, нормативно-правовое регулирование цифровых платформ в целом может быть описано как разрозненное и коллизионное, что не позволяет в полной мере реализовать потенциал цифровой торговли с наибольшими выгодами для частного сектора (бизнеса и потребителей) и с наименьшими рисками для государства. В связи с этим с целью упрочения и расширения достигнутого прогресса необходимо перейти к следующему этапу развития правового регулирования, направленному на унификацию и комплексную систематизацию нормативно-правовой базы, которая будет способна обеспечить понятную систему правил деятельности на цифровом рынке и скоординированную деятельность различных органов государственной власти в целях достижения стабильности и предсказуемости возникающих на этом рынке отношений.

В частности, в результате анализа правовой терминологии выявлен неравномерный охват различных типов цифровых платформ, что ставит вопрос: насколько соответствующие исключения планомерны и могут ли такие пробелы в регулировании быть использованы недобросовестными участниками цифровой торговли. Детали анализа

приведены в таблице 1 (темно-серым выделены ячейки типов платформ, которые подпадают под законодательную формулировку).

Таблица 1. Анализ основных понятий, используемых в российском законодательстве по состоянию на 2024 г.

Определение	Маркет-плейс	Классифайд	Интернет-магазин	Интернет-оператор услуг
Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-І «О защите прав потребителей», преамбула: Владелец агрегатора информации о товарах (услугах)				
ФЗ от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Оператор электронной площадки				
ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»: Цифровая платформа (касается только ПЭВМ⁴³, а сайты и информационные системы — не подпадают)				
ФЗ от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Торговая площадка (сайт) (касается только сайта, а ПЭВМ не предусмотрена)				

⁴³ ПЭВМ — Программы для электронных вычислительных машин.

Определение	Маркет-плейс	Классифайд	Интернет-магазин	Интернет-оператор услуг
Ст. 147 НК РФ: Электронная торговая площадка				
ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Аудиовизуальный сервис				
ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Сервис размещения объявлений				

Такой фрагментарный характер и отсутствие системности в законодательном регулировании цифровых платформ в России создают когнитивные и транзакционные издержки субъектам экономической деятельности и потребителей, обусловленные отсутствием единой концепции и ясных критериев разграничения различных типов платформ, вступающих одновременно в несколько типов правоотношений. Более того, «нишевое регулирование» (например, служб заказа такси, регулируемых отдельным законом⁴⁴ вне общей дефиниции цифровой платформы) провоцирует коллизии в правоприменении и снижает регуляторную эффективность. Вследствие этого одна и та же платформа *de facto* может подпадать под дивергентные нормативные режимы. Это прямо снижает степень правовой определенности и прозрачности требований: например, определение социальной сети в ст. 10.6 Закона об информации⁴⁵ демонстрирует дис-

⁴⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 27.

⁴⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС Консультант Плюс (далее — Закон об информации).

конгруэнтность с существующими моделями цифровых платформ, хотя при помощи этих сетей сегодня активно происходит дистанционная торговля. Применение традиционных правовых конструкций к цифровым платформам без усвоения их специфики чревато регуляторным дисбалансом (например, далеко не всегда будет справедливым возложение ответственности за качество товара на платформу, а не на продавца).

Наконец, отсутствие правовых норм, эксплицитно учитывающих влияние алгоритмов, препятствует имплементации деликтной ответственности за нарушение прав потребителей. Отсутствие адекватного регулирования цифровых платформ создает риски и для исполнителей [Silberman M.S., Harmon E., 2018: 943]; [Stewart A., Stanford J., 2017: 429], потенциально ведя к нестабильности экономики и усилению социального неравенства [Drahokoupil J., Jepsen M., 2017: 105]; [Healy J. et al., 2017: 239]; [Lehdonvirta V., 2018: 22]. В перспективе это может вынудить платформы к избыточным превентивным мерам контроля качества, негативно влияющим на пользователей-исполнителей, развитие малого и среднего предпринимательства, ценовую политику платформ и, в конечном счете, нивелирующим позитивные эффекты платформенной экономики.

Для сбалансированного развития цифровой экономики и защиты прав потребителей необходимо формирование *modus operandi* взаимодействия между участниками платформенной экономики. При этом целесообразно установление *praesumptio* ответственности владельца/оператора платформы за надлежащее функционирование и контроль исправности применяемых алгоритмов (например, в случаях, когда цифровые элементы платформы, алгоритмы нарушают права потребителей). Важно также обеспечить соблюдение принципов *bona fide* как владельцами платформ, так и пользователями, стремиться к *status quo ante* при нарушении прав потребителей и следовать принципу *pacta sunt servanda* при регулировании договорных отношений в платформенной среде.

Вместе с тем применение традиционных правовых норм без учета посреднического характера платформ чревато необоснованным возложением ответственности. С другой стороны, чрезмерное регулирование, сопряженное с высокими издержками бюрократизации, способно негативно повлиять на малый и средний бизнес и ограничить выбор потребителей.

С учетом сказанного важно подчеркнуть, что регулирование платформенной экономики требует создания системной и единой законодательной базы, учитывающей специфику дея-

тельности цифровых платформ и интересы всех заинтересованных сторон. Ключевым является признание посреднической функции платформ, формирование единого терминологического аппарата и распределение ответственности в соответствии с ней.

3. Правовой глоссарий как первоочередная задача регулирования платформенной экономики

Разрозненное регулирование, даже при его эволюционном развитии, создает риски для цифровых платформ. Разнородные требования в гражданском праве и защите прав потребителей приводят к противоречиям в сделках. Различия в информационном праве и защите персональных данных затрудняют трансграничную деятельность и конфиденциальность. Несогласованность в антимонопольном регулировании ослабляет борьбу с недобросовестной конкуренцией. В итоге отсутствие единого подхода порождает правовую неопределенность и увеличивает издержки для платформ. Это затрудняет их инновационное развитие и формирование предсказуемой среды для бизнеса.

Фридрих Хайек подчеркивал, что экономический успех базируется на предсказуемости правовой реакции на действия экономических агентов [Hayek F.A., 1944: 80–92]. В связи с этим для системности и единообразия правового воздействия необходимо согласовать терминологический аппарат в различных отраслях права, применяемый к цифровым платформам.

Отсутствие единого подхода к регулированию, выражающееся в неопределенности критериев отнесения к цифровым платформам, избирательном применении отраслевых требований к отдельным платформам и в отсутствии общего вектора толкования применимого законодательства, порождает правовую неопределенность. Это затрудняет деятельность цифровых бизнес-структур и ставит под сомнение дальнейший экономический успех платформ. Кроме того, наблюдается дуальный парадокс: специализированное регулирование отдельных аспектов деятельности платформ отличается высокой степенью детализации и технократизма, в то время как отсутствует нормативная типологизация платформ, разграничивающая их по специфике экономической деятельности на самом общем и востребованном уровне. Такая типологизация необходима для адекватного применения регуляторных мер к различным типам платформ.

Следует отметить, что наличие концептуальной и терминологической рамок для применения к деятельности цифровых платформ

является логически необходимой основой разработки качественных нормативных правовых актов, регулирующих конкретный продукт или конкретный вид деятельности цифровых платформ, поскольку только благодаря этому можно четко определить круг субъектов и объектов воздействия правовых норм. Как справедливо заметил А. Стровел [Strowel A., Vergote N., 2017: 12], при разработке нормативной базы для регулирования платформенного рынка наиболее целесообразно сначала сформировать общую (межотраслевую) конструкцию регулирования цифровой экономики (включая принципы регулирования платформенной экономики и терминологический аппарат), а уже затем переходить к точечным вопросам, отдельно касающимся различных аспектов деятельности цифровых платформ.

Комплексный подход, назревший по итогам третьего этапа регулятивной эволюции, как и любая консолидация права, способен оказать позитивное воздействие на развитие соответствующих общественных отношений благодаря повышению уровня определенности, устранению юридических коллизий и выстраиванию понятной системы взаимодействия граждан, бизнеса и государства [Жуков В.Н., Фролова Е.А., 2024: 390–395]. Поэтому в поиске оптимального правового регулирования платформенной экономики необходимо прежде всего (как утверждали классики юридического позитивизма), определиться в понятиях [Нерсисянц В.С., 2003: 524].

Таким образом, первоочередной задачей является создание грамотного терминологического аппарата, охватывающего общие и специфические характеристики деятельности цифровых платформ. Без единообразного терминологического понимания явлений невозможно приступить к концептуализации принципов правового регулирования, поскольку эти принципы должны быть направлены на субъектов и объектов (платформы, услуги, занятость и т.д.), которые еще юридически не определены.

В связи с этим проектируемые понятия, определяющие платформенную экономику, должны содержать основные признаки, отличающие определяемое явление от других сходных. Перегрузка определений элементами правового регулирования нецелесообразна. Прежде всего необходимо ввести базовое понятие «цифровая платформа» и определить типы ЦП (маркетплейс, классифайд и т.д.), понимая особенности каждого типа при дифференциации отраслевого регулирования для минимизации негативных эффектов и необоснованного доминирования отдельных типов. Видовое разнообразие ЦП может быть отражено в рамках дальнейшего правового регулирования.

При разработке юридических дефиниций необходимо обеспечить их соотносимость с вошедшей в обиход юридической практики терминологией Закона об информации, ГК РФ, НК РФ, Таможенного кодекса ЕАЭС и Закона о защите прав потребителей, чтобы избежать масштабных изменений в законодательстве. В противном случае потребуются внесение масштабных изменений в законодательство Российской Федерации и ЕАЭС.

Так, в свете терминологических конструкций, используемых в названных законодательных актах, *цифровую платформу* предлагается понимать как сайт и (или) страницу сайта в Интернете и (или) информационную систему и (или) программу для электронных вычислительных машин, предназначенные и (или) используемые в целях реализации товаров, работ, услуг, дающие возможность ознакомления с информацией о товарах, работах, услугах, предложениями о заключении договора купли-продажи, договора возмездного выполнения работ, договора возмездного оказания услуг, а также в отдельных случаях позволяющие дистанционно заключить указанные договоры и произвести предварительную оплату указанных товаров, работ, услуг.

Кроме того, с целью определения бремени исполнения обязанностей и разграничения ответственности за выполнение требований, которые предъявляются к ЦП, требуется понимать разницу между владельцем и оператором цифровой платформы. *Владелец ЦП* — это физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, обладающие правом собственности на цифровую платформу и отвечающие за ее стратегическое управление и развитие. В свою очередь, *оператор ЦП* — это собственно владелец цифровой платформы (в случае сохранения владельцем данного функционала за собой) или уполномоченное им лицо, осуществляющие ее эксплуатацию и обеспечивающие ее функционирование, в том числе взаимодействие с пользователями цифровой платформы.

Уточняя определение ЦП применительно к деятельности *торговых цифровых агрегаторов — маркетплейсов* — необходимо помнить, что она относится к одной из наиболее подробно и широко затронутым законодательством Российской Федерации в сравнении с другими типами цифровых платформ. Это объясняется не только их наибольшей востребованностью благодаря непосредственной ежедневной работе с товарами народного потребления (что влияет на объем потребительского спроса), но и используемой в связи с этим бизнес-моделью, которая предполагает: (1) установление четкого

контакта между пользователями (продавцом/исполнителем и покупателем/заказчиком), (2) формализацию отношений посредством заключения публичного договора, (3) оплату товара/услуги либо непосредственно на цифровой платформе, либо под контролем ее оператора (взимание платы партнером по поручению, например, в пункте выдачи или курьером). Еще более очевидным является наличие осознанного целенаправленного контакта между оператором ЦП и пользователями-исполнителями, которые заключают одну из форм сделки посредничества для организации взаимодействия между собой и между исполнителями и заказчиками с целью извлечения прибыли.

Таким образом, в бизнес-модели маркетплейсов имеются все признаки возникновения гражданско-правовых отношений и типичные фактические паттерны, которые поддаются общепринятым методам правового регулирования с установлением уместных изъятий (особенностей) там, где это необходимо. В связи со сказанным не вызывает удивления тот факт, что одним из первых на деятельность маркетплейсов было распространено действие Закона о защите прав потребителей — ключевого акта, регламентирующего порядок продажи товаров, работ и услуг каждому человеку в повседневной жизни. Причем действие указанного Закона было распространено на цифровые платформы без деконструкции его несущей концепции — действующей уже более 30 лет триады «общие требования — права при продаже товаров — права при выполнении работ (оказании услуг)».

Кроме того, действующее законодательство не дифференцирует услуги и товары применительно к цифровым платформам, организованным по бизнес-модели маркетплейса. Следовательно, под понятие маркетплейса (владельца агрегатора) в силу указанного Закона подпадают ЦП, посредством которых реализуются как товары, так и услуги (например, сервисы заказа еды тоже рассматриваются как агрегаторы и охватываются понятием маркетплейса с точки зрения Закона). Также важно, что помимо ранее исследованного определения владельца агрегатора Закон выборочно инкорпорировал этого нового участника потребительского рынка в уже действовавшие правила продажи потребителям товаров, работ и услуг. При этом на агрегаторы были распространены не все нормы, а только наиболее существенные с точки зрения защиты прав потребителей и принимающие во внимание как специфику цифровой торговли, так и необходимость ее дальнейшего развития.

Однако понятие «владельца агрегатора» исходит главным образом из потребностей потребительских правоотношений и не отражает в

полной мере специфики информационных правоотношений, имеющих существенное значение для регулирования платформенной экономики в условиях современных темпов технологического развития. Ввиду сказанного в определении *торгового цифрового агрегатора (маркетплейса)* предлагается предусмотреть сочетание подходов, используемых гражданским и информационным законодательством, и, принимая во внимание ранее обозначенные поворотные точки российского и зарубежного опыта, *понимать под ним цифровую платформу, посредством интернет-витрины которой оператор ЦП и (или) пользователи-исполнители направляют неопределенному кругу лиц публичную оферту (размещают в Интернете предложения) в отношении реализуемых ими товаров и (или) выполняемых ими работ и (или) оказываемых ими услуг и которая позволяет установить контакт с пользователями-заказчиками и (или) заключить дистанционным способом договор купли-продажи, (договор возмездного выполнения работ, договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату товаров, работ, услуг. При этом интернет-витриной является аудиовизуальный элемент платформы, позволяющий пользователю-заказчику осуществить поиск товаров, работ, услуг, ознакомиться с информацией о товарах, работах, услугах в целях обеспечения возможности их правильного выбора. Данное уточнение будет полезным также для регулирования требований к информации о товарах, работах и услугах.*

Важно обратить внимание, что под данное определение исходя из целей потенциального правового регулирования, очевидно, не должны подпадать обычные, привычные широкому кругу потребителей интернет-магазины. Это один из принципиальных вопросов, решение которого являет собой терминологическую инновацию, поскольку в текущем законодательном понимании «владельца агрегатора» обычные интернет-магазины фактически смешаны со всем многообразием цифровых платформ.

Вместе с тем не только правовая природа их деятельности, но и сама бизнес-модель разительно отличаются. Интернет-магазин — это, по сути, лишь сайт конкретного реального продавца, который использует данный дистанционный способ продажи своих товаров наравне с традиционным способом (офлайн). Маркетплейсы, как было показано в настоящем исследовании, по самой своей сути построены на посреднической деятельности, их бизнес-модель заключается в объединении на своей электронной площадке множества продавцов и создании конкуренции их предложений. В связи с этим требуется уточнить, что интернет-магазин — это особый тип

цифровой платформы, интернет-витрина которой поставляет неопределенному кругу лиц информацию о товарах оператора ЦП и (или) взаимозависимых с ним лиц и которая позволяет пользователю-заказчику ознакомиться с предложением продавца о заключении договора купли-продажи таких товаров, и (или) заключить договор купли-продажи таких товаров, и (или) произвести оплату (предварительную оплату) указанных товаров посредством перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

При этом наиболее «переходной» из форм, относящейся к платформенной экономике и являющейся отличительной по экономической природе, является классифайд. В отличие от торговых цифровых агрегаторов (маркетплейсов), законодательство не содержит специального понятия и регламентации информационных цифровых агрегаторов, которыми и являются классифайды. Предусмотренное Законом об информации регулирование практически не затрагивает вопросов организации гражданско-правового оборота при помощи классифайдов (оформление и регулирование отношений между операторами ЦП и пользователями-исполнителями, между пользователями-заказчиками и пользователями-исполнителями).

Кроме того, стоит выделить три ключевых особенности нормативных требований, установленных Законом об информации. Во-первых, под сервисом размещения объявлений понимается только такая платформа, которая ежедневно привлекает свыше ста тысяч пользователей Интернета. Это означает, что классифайды с меньшим числом посетителей, например с 90 тысячами пользователей в сутки, не подпадают под регулирование вовсе. При этом даже если всего 10% от этой аудитории совершат сделки на сумму около 2 000 рублей, общий оборот таких платформ может достигать примерно 18 миллионов рублей в день, что эквивалентно 540 миллионам рублей за месяц. Таким образом, качество товаров, реализуемых через подобные сервисы, фактически остаётся вне контроля государственных органов.

Во-вторых, Законом об информации установлено требование к владельцу сервиса размещения объявлений — им может выступать только гражданин России, не имеющий гражданства другого государства, или российское юридическое лицо. Данный подход существенно отличается от подхода к регулированию маркетплейсов. Вместе с тем необходимо заметить, что поскольку понятие сервиса размещения объявлений конструируется через указание на язык размещаемых объявлений, можно предположить, что иностранные сервисы, где объявления размещаются на иностранных языках,

не подпадают под требования этого Закона, включая требование к гражданству владельца классифайда. Однако при таком подходе в соотношении указанных критериев заметна некоторая юридическая коллизионность.

В-третьих, указанным Законом Правительству Российской Федерации предоставлена возможность предъявления к операторам сервисов размещения требования обеспечить интеграцию и взаимодействие сервиса с ЕСИА и ФГИС «ЕПГУ»⁴⁶. Следовательно, теоретически допустимо развитие данного регулирования с целью надлежащей фиксации контактов между заказчиками и исполнителями посредством классифайдов (недопущение «ухода» в серую зону и заключения сделки без фиксации на цифровой платформе).

Остро назревает вопрос о необходимости понятийного ограничения классифайдов именно в целях регулирования платформенной экономики и исходя из специфически присущих ей особенностей (а не только исходя из задач информационной политики). Тогда под *информационным цифровым агрегатором (классифайдом)* следует понимать цифровую платформу, на которой пользователи ЦП самостоятельно размещают информацию о предлагаемых или запрос о требуемых товарах, работах, услугах и которая позволяет пользователям-исполнителям и пользователям-заказчикам установить контакт в целях заключения договора, и (или) заключить договор, и (или) произвести оплату (предварительную оплату) по заключенному договору.

Выше были рассмотрены интернет-магазин, маркетплейс и классифайд, однако существует и более обширное явление, особенно нуждающееся в определении в связи с укрупнением игроков: стремление цифровых гигантов соединять под «единым облаком» несколько разносторонних ЦП, предлагая перекрестное обращение к взаимодополняемым услугам (с целью приумножения обращений и прибыли) и поощряя пользователей за такое поведение. Общеизвестна практика крупных компаний, объединяющих под своим влиянием платформы по заказу товаров/еды/продуктов/лекарств, оказанию образовательных/телемедицинских услуг, аудиовизуальные сервисы, курьерские услуги и т.д. Речь идет о *цифровой экосистеме* — совокупности ЦП, объединенных принадлежностью одному лицу (группе взаимозависимых лиц), посредством совместного и (или)

⁴⁶ Единая система идентификации и аутентификации и Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

взаимообусловленного функционирования которых (включая организацию единой системы авторизации и аутентификации, установление согласованной системы скидок, повышение удобства и (или) выгодности обращения одновременно к нескольким таким цифровым платформам) лицо (группа взаимозависимых лиц) привлекает повышенный интерес пользователя-заказчика, мотивирует его к совершению дополнительных покупок, заказу дополнительных услуг у лица (группы лиц), формирует дополнительную потребительскую ценность обращения к указанным цифровым платформам. Отдельно стоит учесть и *комплексные цифровые платформы*, сочетающие в себе признаки отдельных типов и (или) видов ЦП.

Благодаря приведенному понятийному ряду может быть решена первостепенная задача идентификации в целях права не только ключевых субъектов отношений на платформенном рынке, но и по содержательному отграничению характера их деятельности (в том числе оказываемых услуг), которая по ее природе является, конечно, посреднической. Однако даже при наличии этих определений концептуальная модель еще не может выглядеть логически завершенной и системной. Кроме этого, потребуется дать точную юридическую характеристику участникам правоотношений «с другой стороны», т.е. использующих цифровые платформы для вступления в торговый процесс (со стороны как спроса, так и предложения). Для этой цели потребуется поименовать пользователя цифровой платформы как такового, а также отдельных его разновидностей — как уже было отчасти показано в предыдущих определениях, это пользователи-исполнители и пользователи-заказчики.

Понятие пользователя цифровой платформы является общим и родовым. К таким пользователям относятся физические или юридические лица, использующие ЦП для вступления в отношения, связанные с реализацией товаров, работ, услуг, либо имеющее намерение вступить в указанные отношения и обращающееся для этого к имеющимся на соответствующей платформе цифровым инструментам и к содержащейся в ней информации. В свою очередь дифференциация данного понятия должна происходить по характеру отношений между пользователем и оператором платформы, т.е. исходя из целей его вступления в правоотношения и в зависимости от того, «с какой стороны» он присоединяется к платформе. Следовательно, пользователь-исполнителем должен признаваться такой пользователь ЦП, который является продавцом, исполнителем или платформенным занятым и размещает на основании возмездного договора, заключенного с оператором ЦП, на цифровой платформе общедо-

ступную информацию о реализуемых им товарах, выполняемых работах, оказываемых услугах, а также предложения о купле-продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг и о заключении соответствующих договоров с пользователями-заказчиками.

При этом есть все основания обращаться к понятиям продавца и исполнителя в их традиционном значении, придаваемом им Законом о защите прав потребителей, что, помимо прочего, обеспечит преемственность инновационного правового регулирования с тем, которое проверено временем и доказало свою успешность. В свою очередь уже это определение, как видно, дихотомически предполагает, что пользователем-заказчиком является пользователь платформы, имеющий намерение приобрести, заказать товары, работы, услуги либо приобретающий, заказывающий их на основании предложения, размещенного на ЦП пользователем-исполнителем, либо размещающий на ЦП соответствующий запрос.

Именно попытки всесторонне-системной эмпирической и практико-ориентированной проработки юридической терминологии являются залогом возможности дальнейшего комплексного урегулирования остро стоящих перед обществом и государством вопросов в данной сфере. В связи с этим разработанный глоссарий основан на анализе успешного зарубежного и российского опыта регулирования электронной и цифровой коммерции. При этом учитывались особенности российской правовой системы и возможность применения терминов в смежных областях права. Этот глоссарий, таким образом, отражает ключевые принципы правового регулирования в разных странах, прежде всего с экономической точки зрения (чем является тип платформы как экономический субъект) и адаптирован к российскому законодательству. Следующим шагом станет разработка нормативной рамки, которая объединит предложенные определения и мировой опыт в правила и положения, применимые к платформенной экономике в России. Эта рамка позволит создать более четкое и действенное регулирование, отражающее все особенности данной сферы.

4. Ключевые принципы регулирования платформенной экономики: *primum non nocere*

На сегодняшний день нормативная база, регулирующая экономическую и торговую деятельность в Интернете или посредством нее может быть охарактеризована как разрозненная, бессистемная, иногда противоречивая. С одной стороны, отчетливо урегулирован от-

дельными актами целый пласт налоговых, антимонопольных, потребительских и информационных отношений при реализации товаров (работ, услуг) посредством Интернета. С другой стороны, каждая из этих отраслей оперирует отличающимся терминологическим аппаратом, который определяет и классифицирует сетевые инструменты торговли по разным признакам и свойствам. Следовательно, если в отношении классических форм торговли гражданское, антимонопольное и налоговое законодательство действуют равномерно, применяются равным образом к каждому хозяйствующему субъекту или потребителю, то при осложнении отношений «сетевым элементом» точно такие же по своей сути правовые отношения регулируются по-разному в зависимости от того, как профильный закон определяет цифровую платформу и подпадает ли под это определение рассматриваемый сетевой инструмент. Это не только не способствует реализации ключевых принципов рыночной экономики — равенства, свободы торговли и конкуренции — но и позволяет использовать нормативные лазейки для уклонения от государственного регулирования. Другие отрасли законодательства вовсе не оперируют специальной терминологией, регулируя платформенную торговлю от случая к случаю с использованием казуистических нормативных предписаний.

Самым очевидным решением данной проблемы является разработка профильного федерального законодательного акта, которым были бы консолидированы и приведены к общему терминологическому знаменателю все принципы, нормы и институты, касающиеся базовых вопросов регулирования рынка цифровых платформ. Это должен быть закон об основах правового регулирования деятельности ЦП, направленный на систематизацию законодательных подходов к регулированию цифровой торговли и на комплексное упорядочение отношений не только на указанном сегменте рынка, но и на рынке в целом, учитывая продемонстрированные ранее тенденции глобального экономического влияния ЦП.

Регулятивным ядром полноценного правового института являются общие принципы права [Фролова Е.А., 2023: 201], и право цифровых платформ не будет исключением из данной закономерности, поскольку при помощи таких принципов отдельные правовые нормы приобретают нормативную ценностно-целеполагающую взаимосвязь, необходимую как для их совместного воздействия на общественные отношения, так и для качественного толкования этих норм в правоприменении. Принципы правового института выявляются исходя из преломления общих принципов права в специфике

отношений, складывающихся в конкретной области (в рассматриваемом случае — приложение общих принципов гражданского и коммерческого права к имеющимся на сегодняшний день результатам опыта внедрения ЦП в рыночные отношения). Уточнение этих принципов необходимо, поскольку из них должна исходить и им соответствовать каждая отдельная норма, которую будет решено включить в консолидированный законодательный акт. Иначе достичь необходимого системного регулятивного эффекта будет крайне проблематично. На основании проведенного анализа к принципам цифровой торговли и платформенной занятости могут быть отнесены: транспарентность и легальность рынка ЦП; равноправие участников рынка ЦП; необходимость признания и защиты прав потребителей; защита конкуренции; сочетание государственных начал регулирования и саморегулирования цифровой торговли и платформенной занятости; развитие платформенной экономики в рамках единой структуры национальной экономики.

Поскольку в настоящей статье ключевым вопросом является именно регулирование деятельности цифровых платформ, заострим внимание на обозначенном выше принципе *primum non nocere*. Последний предполагает создание такой нормативной системы, при которой государственное регулирование сочетается с саморегулированием для того, чтобы можно было как сдерживать платформы от оппортунизма, так и не препятствовать развитию бизнеса. Где эти границы?

Если говорить о государственной части регулирования, то ключевые полномочия по соответствующему предмету должны относиться скорее к полномочиям федеральных органов государственной власти (системное толкование п. «е», «ж» и «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации), поскольку рынок платформ, тем более крупных, является общим, и здесь не может быть априорной региональной специфики, которая влияла бы на стержневое регулирование соответствующих отношений от региона к региону. Например, к таким полномочиям могут быть отнесены установление минимальных технических требований к ЦП и правил идентификации пользователей ЦП с целью достижения стабильности и честности гражданского оборота, достоверности и действительности совершаемых сделок (это также решает задачи законодателя в области налогового обеления и информационной безопасности). Кроме того, в рамках проектирования полномочий органов государственной власти может быть рассмотрена необходимость создания консолидированного реестра цифровых платформ, государственной информационной системы (ГИС) цифровых платформ для содействия достоверному

и безопасному взаимодействию владельцев (операторов) цифровых платформ с государством и пользователями-исполнителями.

Саморегулирование можно выразить инверсивно как вычисление степени государственного вмешательства, которая оптимальна для конкретного национального рынка для достижения ранее обозначенных целей (стабильность, честная торговля, безопасность и так далее) и за пределами которой начинает действовать не государство, а сами рыночные институты (в рамках системы саморегулирования). Этот вопрос наиболее контрастно возникает на фоне сферы общественных отношений на рынке ЦП, которая в наибольшей степени ассоциируется с государственным вмешательством и ограничением безмерного стремления бизнеса к прибыли — с антимонопольным регулированием. Помимо описанного опыта Республики Кореи (конкурентная ситуация на платформенной рынке которой схожа с российской), необходимо понимать следующее. Платформы, обеспечивая широкий доступ поставщиков и продавцов к клиентской базе, создают как возможности, так и риски зависимости бизнеса от этих структур. Эта взаимосвязь — точнее, её потенциальные риски — часто объясняют жесткую антимонопольную позицию государства. Однако, в соответствии с принципом *primum non nocere*, необходимо найти баланс между антимонопольным регулированием, сдерживающим злоупотребления, и обеспечением возможностей для развития бизнеса.

В научном дискурсе справедливо отмечается, что полное отсутствие специализированной регуляторной базы для пресечения антиконкурентных практик цифровых платформ столь же пагубно, как и наличие пробельного или несистемного правового института, поскольку это способствует злоупотреблениям ЦП доминирующим положением на рынке [Егорова М.А., Петров А.А., Кожевин О.В., 2022: 332]. Такая антиконкурентная ситуация обычно характеризуется бурным ростом одних организаций с поглощением других, что ведет к концентрации рыночной власти в руках одной или нескольких крупных платформ и, соответственно, к появлению цифровых «гигантов». Операторы ЦП могут в собственных и зачастую корыстных целях способствовать созданию недобросовестной конкуренции применительно к какому-либо массовому сегменту компаний, а конкуренты — вступать между собой в сговор, что в итоге может привести к глобальной нестабильности цифрового рынка [Strowel A., Vergote N., 2017: 6].

Тем не менее не всегда жесткая антимонопольная позиция способствует адекватному реагированию на рыночную ситуацию в свете

всех релевантных обстоятельств. Так, влияние самопреферентного поведения / практики самопредпочтения (self-preferencing), ограничиваемых или запрещенных антимонопольным законодательством ряда государств, на потребительский рынок и конкурентную среду не является однозначно негативным [Cheng Y., Deng F. et al., 2023: 23]. В частности, применение платформой такого паттерна может предполагать конкурентную борьбу между самой платформой и представленными на ней продавцами, предлагающими аналогичные товары или услуги, — конкурентное давление проявляется в снижении цен, призванном привлечь потребительский поток и увеличить объемы продаж.

В качестве иллюстрации недобросовестных практик со стороны операторов платформ можно привести один из заметных случаев, произошедший в Китае. В 2008 году компания Alibaba ограничила доступ поисковых систем Baidu, Google и Yahoo, запретив Baidu индексировать внутренние страницы своей торговой площадки Taobao [Fei L., 2023: 4]. Позже, в 2013 году, Alibaba приостановила работу сторонних приложений, связанных с WeChat, отключила все каналы передачи данных WeChat и запретила продавцам на Taobao размещать QR-коды WeChat. Однако в 2021 году Министерство промышленности и информатизации Китая потребовало от интернет-платформ восстановить доступ к внешним ссылкам. В том же году Alibaba была оштрафована китайским антимонопольным органом на сумму 2,8 миллиарда долларов (около 4% от годового дохода компании) за злоупотребление доминирующим положением на рынке над конкурентами⁴⁷. Эта антимонопольная инициатива стала ответом на череду блокировок, предпринятых Alibaba и направленных на сторонние приложения, а также на внешние ссылки этих приложений. То есть с одной стороны, в Китае платформенные компании обязаны разрабатывать собственные правила функционирования [Afina Y. et al., 2024: 36], но с другой стороны — этим же они могут привлечь внимание правительства.

Анализ ситуации с цифровыми платформами в КНР демонстрирует региональную асимметрию в степени государственного регулирования. Согласно данным исследователей [Yang G., Deng F. et al., 2023: 14], в западных регионах страны наблюдается более высокая степень государственного вмешательства, чем в восточных. С точки зрения теории конкуренции это может привести к усилению ценово-

⁴⁷ Available at: URL: <https://www.wsj.com/articles/alibaba-hit-with-record-2-8-billion-antitrust-fine-by-chinas-market-regulator-11618018830> (дата обращения: 22.04.2025)

го соперничества между крупными игроками на западе, но к повышению вероятности монополизации на востоке и злоупотреблениям со стороны крупных игроков. Следовательно, в восточных регионах целесообразно усиление надзора за крупными платформами, в то время как в западных и центральных — создание условий для органичного развития платформенной экономики и саморегулирования.

На этих примерах хорошо видна изначально заявленная дихотомия государственного вмешательства и саморегулирования, балансируемую оптимальную грань между которыми найти крайне трудно даже в самых опытных цифровых экономиках. Излишне жесткое регулирование может способствовать сокращению доли рынка определенной платформы и снижению качества ее функционирования, но в то же время при проявлении первой же регулятивной слабости государства бизнес-структуры в силу самой своей природы сразу же воспользуются этим для извлечения большей прибыли в рамках формально не запрещенных, но недобросовестных и антиконкурентных практик.

Следовательно, вопрос саморегулирования рынка ЦП синонимичен вопросу их качественного саморазвития, которое также выгодно обществу, поскольку только это гарантирует отсутствие стагнации, приумножение благ и общее процветание экономики. Но система такого саморегулирования должна быть тщательно продумана и осознанно введена в нормативную концепцию права цифровых платформ. Государство должно дать ясный сигнал заинтересованности в развитии платформенной экономики, минимальному вмешательству в развитие ЦП при соблюдении установленных необходимых требований и гарантий, а также дать возможность платформам посредством саморегулирования самостоятельно устанавливать основные правила электронной коммерции (за пределами предмета государственного регулирования). Другими словами, как и было показано при анализе трех этапов эволюции регулирования электронной коммерции, главным его принципом должна быть не фанатичная всепроникающая технократичность, а принцип *primum non nocere*, предполагающий, что степень нормативного воздействия должна быть достаточной, но такой, чтобы за ее рамками оставалось столь же достаточное поле возможностей конструктивного развития рынка. Исходя из этого общего ценностного начала, можно рассматривать все остальные концептуальные точки регулирования деятельности ЦП.

Чтобы исключить избыточное государственное вмешательство и позволить рынку активно развиваться, не отставая от ежедневного стремительного развития цифровых технологий и связанных с ними

предпринимательских техник, но при этом поддерживать открытость и прозрачность происходящих на этом рынке процессов по правилам, которые установлены государством, целесообразно легализовать для участников рынка систему саморегулирования, делегируя ей ряд существенных функций.

Наличие продвинутой экспертизы в отраслях реального сектора позволит участникам института саморегулирования разрабатывать *дополнительные регуляторные модели, подходящие для конкретного рынка и принимающие во внимание его специфику* (например, сообщество ЦП в фармацевтической отрасли или сфере оказания медицинских услуг дистанционным способом). Кроме того, одной из важнейших функций института саморегулирования должно стать *разрешение споров* между владельцами, операторами и пользователями-исполнителями ЦП, для чего сами участники рынка смогут разработать справедливый механизм рассмотрения споров и способы обеспечения удовлетворенных требований без необходимости прибегать к средствам судебной защиты. Это в целом актуально в рамках общего тренда на развитие системы медиации и альтернативного разрешения споров, поощрения мирового урегулирования разногласий в досудебном порядке. Кроме того, не так давно Министерство юстиции Российской Федерации прямо обозначило актуальность проблематики введения альтернативных механизмов дистанционного урегулирования споров в сфере сферы онлайн-торговли и онлайн-услуг и даже разрабатывало соответствующий законопроект⁴⁸.

Наиболее очевидной моделью саморегулирования может стать создание института по типу *совета цифровых платформ* — некоммерческой организации, основанной на членстве владельцев (операторов) ЦП при обеспечении представительства пользователей-исполнителей и объединений пользователей-заказчиков. Такой опыт имеется в зарубежных юрисдикциях, равно как и в отдельных случаях отечественный законодатель уже делегировал выработку норм негосударственным институтам (например, в деятельности инновационных научно-технологических центров).

Следующим принципиальным вопросом, который требует первичного концептуального осмысления перед разработкой точечных нормативных предписаний, является *платформенная занятость*. Если рассматривать цифровые платформы как способ занятости, не секрет, что они зачастую выступают именно в качестве основного источника дохода фрилансеров, которые сегодня имеют возможность

⁴⁸ Available at: URL: <https://www.garant.ru/news/1274189/> (дата обращения: 22.04.2025)

свободно предлагать свои услуги на рынке посредством возможностей глобальной Сети, причем нередко при помощи сразу нескольких платформ. Несмотря на это, из-за лакун права в данной сфере работы оказываются перед лицом риска неоплачиваемой работы, когда за деятельность на платформе исполнитель может не получить вознаграждения у заказчика. В то же время не менее остро стоит вопрос и в обратном — важно установить порядок обеспечения налогового бремени исполнителей (фрилансеров), а также ввести контроль и качества выполняемых ими работ или услуг.

В аспекте сказанного интересно, что на сегодняшний день наиболее неупорядоченной с точки зрения платформенной занятости является деятельность информационных цифровых агрегаторов (классифайдов), в связи с чем наибольшее внимание при проектировании будущего специального регулирования следует уделить принципам и правилам занятости именно при их посредничестве.

Сделки при помощи классифайдов подпадают главным образом под действие общих положений гражданского законодательства о реализации товаров, работ и услуг. Однако действие этих норм в отношении участников рынка классифайдов не является гарантированным. Формально получается, что множество пользователей реализуют товары (работы, услуги) *по модели «личного контакта»*, хотя в действительности поиск контрагентов и приготовление к сделке происходит посредством цифровых платформ с использованием соответствующих преимуществ, влияющих как на объемы, так и на темпы продаж. Фактически классифайды становятся для многих источником регулярного заработка и формой основного рода занятий, предоставляя площадку для прицельного, постоянного и «умного» поиска контрагентов в режиме реального времени. Однако регулирование классифайдов не соответствует характеру этой деятельности, поскольку отсутствие системы идентификации пользователей и фиксации контактов, стадий их взаимодействия позволяют обмениваться благами так, как если бы отношения между участниками оборота возникли случайно — на одноразовой основе. Помимо прочего, там нарушается принцип равенства, поскольку пользователи классифайдов имеют необоснованные преимущества по сравнению с субъектами реального сектора сферы работ и услуг, которые добросовестно работают по традиционной «очной» схеме, уплачивая налоги и отвечая рублем за качество своих работ и услуг.

Для решения указанной проблемы при консолидации законодательного регулирования платформенной занятости необходимо предусмотреть более подробную регламентацию торговой деятель-

ности и платформенной занятости посредством классифайдов, включая обязательные процедуры идентификации пользователей (с использованием ЕСИА, банковских идентификаторов либо номеров мобильных телефонов), а также порядок их взаимодействия с целью заключения сделки. Необходима разработка мер урегулирования отношений по модели «заказчик — исполнитель» в рамках взаимодействия на классифайдах. Отсутствие формального оформления трудовых отношений между заказчиком и исполнителем на ЦП можно рассматривать с точки зрения роста неформальной занятости. На макроуровне это может негативно сказаться на показателях экономического роста, таких, как ВВП на душу населения и производительность труда. Кроме того, как справедливо отмечают исследователи, ЦП, не получившие регуляторной базы в данной части, могут ставить своих исполнителей в заведомо невыгодное положение ввиду отсутствия правил защиты труда и прав работников [Silberman M.S., Harmon E., 2018: 940]; [Stewart A., Stanford J., 2017: 429]. Это, в свою очередь, вызывает нестабильность самой платформенной экономики, в результате которой увеличиваются разрывы в доходах населения [Drahokoupil J., Jepsen M., 2017: 105]; [Healy J., Nicholson D., Pekarek A., 2017: 237]; [Lehdonvirta V., 2018: 21].

Если говорить о контрмерах, то для решения обозначенных проблем напрашиваются следующие выводы. *Субъектами занятости* (оказание услуг, выполнение работ) посредством ЦП должны признаваться физические лица, зарегистрированные в качестве: (1) индивидуальных предпринимателей, (2) плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых), (3) платформенных занятых. *Регистрация* (первоначальная идентификация и аутентификация) физических лиц, занятых на платформах (пользователей-исполнителей), должна осуществляться способами, обеспечивающими достоверность информации о них в целях дальнейшего взаимодействия с потребителями. Это может быть регистрация с использованием принадлежащего физическому лицу телефонного номера мобильной связи, а также, по выбору пользователя-исполнителя, посредством: (1) Единой системы идентификации и аутентификации или (2) иными средствами, которые определит уполномоченный федеральный орган исполнительной власти. Последующий доступ физического лица к платформе может осуществляться с использованием принадлежащего физическому лицу телефонного номера мобильной связи.

Регистрацию платформенных занятых и ведение единого реестра платформенных занятых, в том числе предоставление операторам ЦП доступа к нему, может быть поручено ФНС России для консо-

лидации всех сведений об аналогичных налогоплательщиках (она же ответственная за ведение ЕГРЮЛ и ЕГРИП, реестра самозанятых). Платеж за регистрацию в качестве платформенного занятого может осуществляться на принципах, схожих с принципами патентной системы налогообложения, т.е. суммы платы за регистрацию в качестве платформенного занятого дифференцируются в зависимости от вида деятельности. При этом такие суммы должны быть меньше сумм платы по патентной системе налогообложения для стимулирования участников этой новой сферы рынка. Повторной регистрации платформенного занятого, который уже включен в единый реестр, не требуется, в том числе при заключении договора об использовании иной ЦП, иначе это может стать избыточным административным барьером, мешающим развитию рынка. Должна обеспечиваться возможность сверки сведений-идентификаторов-налогоплательщиков посредством обмена информацией и цифрового взаимодействия ФНС с ЦП. Все это полностью согласуется с обозначенным ранее общим вектором *primum non nocere*.

Для качественного государственного управления в рассматриваемой сфере, ввиду необходимости постоянного поддержания баланса публичных и частных интересов (налоговые интересы государства, квази-трудовые интересы платформенных занятых, потребительские интересы граждан), ЦП с определенной законом периодичностью должны направлять в уполномоченный орган сведения обо всех сделках, совершенных пользователями-исполнителями, посредством обмена информацией с налоговыми органами с использованием цифровых сервисов.

Наконец, вопрос, в целом схожий по своему характеру с вопросами, связанными с антимонопольным регулированием, — это необходимость модерации контента ЦП (т.е. предупреждение и пресечение монополии на распространение информации). В части модерации контента можно иметь в виду как модерацию со стороны государства, так и возможности модерации со стороны самих цифровых платформ. К примеру, в США платформы самостоятельно вправе устанавливать правила внутреннего регулирования, ввиду чего они несут минимальную юридическую ответственность за действия пользователей и размещаемую ими информацию [Afina Y. et al., 2024: 47]. Кроме того, сайты и онлайн-сервисы не несут ответственности за контент третьих лиц и принимаемые ими решения о фильтрации контента⁴⁹.

⁴⁹ Communications Decency Act, 1996. Available at: URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/314/cosponsors> (дата обращения: 22.04.2025)

Заключение

Завершая исследование основных проблемных аспектов интеграции платформенной экономики в правовое поле, которые продемонстрированы диахроническим анализом опыта отечественной и целого ряда зарубежных юрисдикций, необходимо отметить, что ответы на поставленные вопросы только предстоит найти общими усилиями государства и общества, научного и экспертного сообществ, бизнеса и потребительских сообществ. Предложенный в настоящей статье вектор исходит из необходимости достижения целей стабильности, прозрачности, безопасности и перманентного развития платформенной экономики как нового способа (формы) организации рынка, в русле ряда стержневых закономерностей, обнаруженных в отечественном и зарубежном опыте. Этот вектор не претендует на абсолютную точность и непогрешимую истинность, но его направленность однозначно характеризуется стремлением обеспечить всеобъемлющий баланс для общего блага: баланс публичных и частных интересов, баланс государственного вмешательства и саморегулирования, баланс консервативных гарантий безопасности и легитимного стремления к прогрессу.

В связи с правовой неопределенностью регулирования и возрастающей ролью платформ в статье предложен концептуальный подход к правовому регулированию платформенной экономики, основанный на типологизации ключевых терминов и систематизации международного опыта, адаптированных к российским условиям. Уникальность подхода заключается в комплексном рассмотрении вопросов дефинирования и классификации различных типов платформ, а также в учете интересов всех заинтересованных сторон. При этом стоит отметить, что в свете экспоненциального развития платформенной экономики подобный правовой подход является наиболее удобным и гибким, поскольку он не углубляется в отраслевое законодательство, но задает рамку и правила деятельности платформ и всех участников этой системы.

Остается констатировать, что негативные эффекты жесткого регулирования, инициируемого в рамках текущего этапа развития законодательства о ЦП, равно как и негативные эффекты отсутствия регулирования в тех или иных областях платформенного рынка, еще предстоит оценить экономически. Тем не менее уже сейчас ясно одно — выработка консолидированного законодательного решения с целью закрепления комплексного регулирования в рамках института права ЦП насущно необходима, она соответствует диахрониче-

ским тенденциям развития платформенной экономики и является вопросом времени.

Проведенное исследование предлагает основания для дискуссии о базовых принципах, которые способны с высокой долей вероятности оказать положительный эффект и поэтому могут быть положены в концептуальную основу дальнейших законотворческих разработок в данной сфере. Во-первых, без правильного и единообразного терминологического понимания явлений, наблюдаемых на платформенном рынке, невозможно приступить к концептуализации потенциальных принципов правового регулирования, поскольку эти принципы предполагают направленность именно в отношении субъектов (платформы и их типы) и объектов (услуги, занятость и так далее), которые в российской правовой системе пока юридически не определены. Во-вторых, принципы, которые будут заложены в концептуальную основу консолидированного регулирования, должны соответствовать основным трекам проблемного анализа накопленного к настоящему времени опыта развития электронной коммерции и платформенной экономики: это защита конкуренции, защита прав потребителей, защита персональных данных и платформенная занятость.

В рамках исследования предложен концептуальный подход к правовому регулированию платформенной экономики, основанный на типологизации ключевых терминов (цифровая платформа, маркетплейс, классифайд, оператор платформы и т.д.) и систематизации международного опыта (например, опыт ЕС в регулировании цифровых услуг и цифровых рынков), адаптированных к российским условиям.

Предстоит дальнейшая разработка механизмов регулирования, таких, как установление требований к прозрачности алгоритмов ранжирования, введение ответственности платформ за недостоверную информацию, а также создание механизмов разрешения споров между участниками платформ. Настоящее исследование закладывает основу для дальнейшего формирования целостной системы правового регулирования платформенной экономики в России, учитывающей как текущие, так и будущие вызовы и возможности, связанные с развитием цифровых технологий.

Список источников

1. Егорова М.А., Петров А.А., Кожевина О.В. Влияние цифровизации на реализацию антимонопольного регулирования и контроля за экономической концентрацией в высокотехнологичном секторе // Вестник СПбГУ. Право. 2022. Том 13. № 2. С.327–343. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu.14.2022.203>

2. Жуков В.Н., Фролова Е.А. и др. Теория государства и права. М.: Проспект, 2024. 640 с.
3. Запьянцев А.А. Создание и регулирование цифровых платформ в Китае // Азия и Африка сегодня. 2024. №4. С. 55–60. DOI: <http://doi.org/10.31857/S032150750027789-9>
4. Иванов А.Ю. Цифровая экономика и антимонопольное законодательство: единство и борьба противоположностей // Правоведение. 2019. № 4. С. 486–521.
5. Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2003. 944 с.
6. Рылова М.А. Принцип предосторожности как предотвращение вреда и (или) защита экономических интересов: Европейский правовой опыт // Вестник Московского университета. 2014. Серия 11. Право. № 2. С. 30–42.
7. Фролова Е.А. Рецензия // Рец. на кн.: Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение. М.: Проспект, 2022. 312 с. // Государство и право. 2023. № 1. С. 200–202.
8. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. 2024. Том 19. № 2. С. 110–126.
9. Afina Y. et al. Towards a global approach to digital platform regulation: Preserving openness amid the push for Internet sovereignty. Research Paper. London: Royal Institute of International Affairs, 2024. 63 с. DOI: <https://doi.org/10.55317/9781784135935>
10. Cheng Y., Deng F. Enhancing Antitrust Analysis of Digital Platforms: What Can We Learn from Recent Economic Research? Antitrust, vol. 37, no. 3, pp. 20–27. Available at: URL: <https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publications/antitrust/magazine/2023/vol-37-issue-3/enhancing-antitrust-analysis-digital-platforms.pdf>
11. Deldjoo Y., Jannach D., Bellogin A. et al. Fairness in recommender systems: research landscape and future directions. User Model User-Adap Inter, 2024, vol. 34, pp. 59–108. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11257-023-09364-z>
12. Drahoukoupil J., Jepsen M. The digital economy and its implications for labor. Transfer: European Review of Labor and Research, 2017, no. 2, pp. 103–107. DOI: <https://doi.org/10.1177/1024258917701380>
13. Fei L. Regulation under administrative guidance: The case of China's forcing interoperability on digital platforms. Computer Law & Security Review, 2023, no. 48, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105786>
14. Haggard S., Tiede L. The rule of law and economic growth: where are we? World Development, 2011, vol. 39, no. 5, pp. 673–685. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2010.10.007>
15. Hayek F.A. The Road to Serfdom. L.: George Routledge & Sons, 1944, 296 p.
16. Healy J., Nicholson D., Pekarek A. Should we take the gig economy seriously? Labor and Industry, 2017, no. 3, pp. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.1080/10301763.2017.1377048>
17. Heimbürg V., Wiesche M. Digital platform regulation: opportunities for information systems research. Internet Research, 2023, vol. 33, no. 7, pp. 72–85. DOI: <https://doi.org/10.1108/INTR-05-2022-0321>
18. Hossain M.B., Al-Hanakta R.Y. et al. Exploring key success factors for sustainable e-commerce adoption in SMES. Polish Journal of Management Studies, 2022, no. 1, pp. 162–178. DOI: <https://doi.org/10.17512/pjms.2022.25.1.10>

19. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy. *Issues in Science and Technology*, 2016, vol. 32, no. 3, pp. 61–69.
20. Lafuente E., Ács Z.J., Szerb L. Analysis of the digital platform economy around the world: a network DEA model for identifying policy priorities. *Journal of Small Business Management*. 2024, vol. 62, no. 2, pp. 847–891. DOI: 10.1080/00472778.2022.210089
21. Lehdonvirta V. Flexibility in the gig economy: managing time on three online piecework platforms. *New Technology, Work and Employment*, 2018, no.1, pp. 16–29. DOI: <https://doi.org/10.1111/ntwe.12102>
22. Lofstedt R.E. The Precautionary Principle: Risk, Regulation and Politics. *Process Safety and Environmental Protection*, 2023, vol. 81, no.1, pp. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.1205/095758203762851976>
23. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Political Economy of Institutions and Decisions. Cambridge: University Press, 1990. 153 p.
24. Paun C., Ivascu C., Olteteanu A., Dantis D. The Main Drivers of E-Commerce Adoption: A Global Panel Data Analysis. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2024, vol. 19, iss. 3, pp. 2198–2217. DOI: <https://doi.org/10.3390/jtaer19030107>
25. Schulte-Nölke H., Rüffer I., Nobrega C. et al. A. The Legal Framework for E-commerce in the Internal market. European Parliament. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, 2020. 43 p. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652707/IPOL_STU\(2020\)652707_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652707/IPOL_STU(2020)652707_EN.pdf)
26. Silberman M.S., Harmon E. Rating working conditions on digital labor platforms // *Computer Supported Cooperative Work*, 2018, vol. 28, issue 5, pp. 911–960. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10606-018-9313-5>
27. Stewart A., Stanford J. Regulating work in the gig economy. *The Economics and Labor Relations Review*, 2017, vol. 28, issue 3, pp. 420–437. DOI: 10.1177/1035304617722461
28. Strowel A., Vergote W. Digital platforms: to regulate or not to regulate? Message to regulators: Fix the economics first, then focus on the right regulation. *Research Observatory on Sharing Economy, Law and Society*, 2017, 16 p. Available at: <http://www.rosels.eu/2017/11/15/digital-platforms-to-regulate-or-not-to-regulate-message-to-regulators-fix-the-economics-first-then-focus-on-the-right-regulation/>
29. Yang G., Deng F. et al. Digital Paradox: Platform Economy and High-Quality Economic Development—New Evidence from Provincial Panel Data in China. *Sustainability*, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 22–25. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14042225>
30. Znai K. Alibaba hit by record 2.8 billion antitrust fine in China. *The Wall Street Journal*. 2021. 10 April.

References

1. Afina Y. et al. (2024) Towards a global approach to digital platform regulation: Preserving openness amid the push for Internet sovereignty. *Research Paper*. London: Royal Institute of International Affairs, 63 p. DOI: <https://doi.org/10.55317/9781784135935>
2. Cheng Y., Deng F. et al. (2023) Enhancing antitrust analysis of digital platforms: what can we learn from recent economic research? *Antitrust*, vol. 37, no. 3, pp. 20–27.

3. Deldjoo Y., Jannach D., Bellogin A. et al. (2024) Fairness in recommender systems: research landscape and future directions. *User Model User-Adap Inter*, no. 34, pp. 59–108. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11257-023-09364-z>
4. Drahoukoupil J., Jepsen M. (2017) The digital economy and its implications for labor. *European Review of Labor and Research*, vol. 23, no. 2, pp. 103–107. DOI: <https://doi.org/10.1177/1024258917701380>
5. Egorova M.A., Petrov A.A., Kozhevina O.V. (2022) Impact of digitalization on the implementation of antimonopoly regulation and control over economic concentration in the high-tech sector. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*=Saint Petersburg State University Bulletin. Law, vol. 13, no. 2, pp. 327–343. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.203> (in Russ.)
6. Fei L. (2023) Regulation under administrative guidance: the case of China's forcing interoperability on digital platforms. *Computer Law & Security Review*, no. 48, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105786>
7. Frolova E.A. (2023) A review of a book: Stoilov Ya. Principles of law: terms and using. Moscow: Prospekt, 2002, 312 p. *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, no. 1, pp. 200–202 (in Russ.)
8. Haggard S., Tiede L. (2011) The Rule of Law and Economic Growth: Where are We? *World Development*, vol. 39, no. 5, pp. 673–685.
9. Hayek F.A. (1944) *The road to serfdom*. London: George Routledge & Sons, 296 p.
10. Healy J., Nicholson D., Pekarek A. (2017) Should we take the gig economy seriously? *Labor and Industry*, vol. 27, no. 3, pp. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.1080/10301763.2017.1377048>
11. Heimburg V., Wiesche M. (2023) Digital platform regulation: opportunities for information systems research. *Internet Research*, vol. 33, no. 7, pp. 72–85. DOI: <https://doi.org/10.1108/INTR-05-2022-0321>
12. Hossain M.B., Al-Hanakta R.Y. et al. (2022) Exploring key success factors for sustainable e-commerce adoption in smes. *Polish Journal of Management Studies*, vol. 25, no.1, pp. 162–178. DOI: <https://doi.org/10.17512/pjms.2022.25.1.10>
13. Ivanov A. Yu. (2019) Digital economy and antitrust law: the unity and conflict of opposites. *Pravovedenie*=Legal Studies, no. 4, pp. 486–521 (in Russ.)
14. Kenney M., Zysman J. (2016) The rise of the platform economy. *Issues in Science and Technology*, vol. 32, no. 3, pp. 61–69.
15. Lafuente E., Ács Z.J., Szerb L. (2024) Analysis of the digital platform economy around the world: a network DEA model for identifying policy priorities. *Journal of Small Business Management*, vol. 62, no. 2, pp. 847–891. DOI: <https://doi.org/10.1080/00472778.2022.210089>
16. Lehdonvirta V. (2018) Flexibility in the gig economy: managing time on three online piecework platforms. *New Technology, Work and Employment*, vol. 33, no.1, pp. 16–29. DOI: <https://doi.org/10.1111/ntwe.12102>
17. Lofstedt R. E. (2023) The precautionary principle: risk, regulation and politics. *Process, Safety and Environmental Protection*, vol. 81, no. 1, pp. 36–43. <https://doi.org/10.1205/095758203762851976>
18. Nersesyants V.S. (2003) History of political and legal doctrines. Textbook. Moscow: Norma, 944 p. (in Russ.)
19. North D.C. (1990) *Institutions, institutional change and economic performance. Political economy of institutions and decisions*. Cambridge: University Press, 153 p.

20. Paun C., Ivascu C., Olteteanu A., Dantis D. (2024) The main drivers of e-commerce adoption: a global panel data analysis. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, vol. 19, issue 3, pp. 2198–2217. DOI: <https://doi.org/10.3390/jtaer19030107>
21. Rylova M.A. (2014) The precautionary principle as harm prevention and (or) protection of economic interests: European legal experience. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*=Moscow State University Bulletin. Law, no. 2, pp. 30–42 (in Russ.)
22. Schulte-Nölke H., Rüffer I., Nobrega C. et al. A. (2020) The legal framework for e-commerce in the internal market. European Parliament. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, 43 p. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652707/IPOL_STU\(2020\)_652707_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652707/IPOL_STU(2020)_652707_EN.pdf)
23. Shelepov A.V., Kolmar O.I. (2024) Regulation of digital platforms in Russia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*=International Organizations Bulletin, vol. 19, no. 2, pp. 110–126 (in Russ.)
24. Silberman M.S., Harmon E. (2018) Rating working conditions on digital labor platforms. *Computer Supported Cooperative Work*, vol. 28, issue 5, pp. 911–960. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10606-018-9313-5>
25. Stewart A., Stanford J. (2017) Regulating work in the gig economy. *The Economics and Labor Relations Review*, vol. 28, issue 3, pp. 420–437. DOI: <https://doi.org/10.1177/103530461772224>
26. Strowel A., Vergote W. (2017) Digital platforms: to regulate or not to regulate? Message to regulators: fix the economics first, then focus on the right regulation. Research Observatory on Sharing Economy, Law and Society, 16 p.
27. Yang G., Deng F. et al. (2022) Digital paradox: platform economy and high-quality economic development — new evidence from provincial panel data in China. *Sustainability*, vol. 14, no. 4, pp. 22–25. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14042225>
28. Zap'yantsev A.A. (2024) Creation and regulation of digital platforms in China. *Azia i Africa segodnia*=Asia and Africa Today, no. 4, pp. 55–60. DOI: <http://doi.org/10.31857/S032150750027789-9> (in Russ.)
29. Zhai K. (2021) Alibaba hit by record \$2.8 billion antitrust fine in China. *The Wall Street Journal*. April 10.
30. Zhukov V.N., Frolova E.A. et al. (2024) Theory of state and law. Textbook. Moscow: Prospekt, 640 p. (in Russ.)

Информация об авторах:

А.С. Кошель — доктор юридических наук, доцент, профессор департамента публичного права НИУ ВШЭ.

Я.И. Кузьминов — кандидат экономических наук, доцент, научный руководитель НИУ ВШЭ.

Е.В. Кручинская — преподаватель департамента политики и управления НИУ ВШЭ.

Б.В. Лесив — кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ.

Information about the authors:

A.S. Koshel — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor, Department of Public Law, Higher School of Economics.

Ya.I. Kuzminov — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Academic Supervisor of the Higher School of Economics.

E.V. Kruchinskaia — Lecturer, Department of Politics and Governance, Higher School of Economics.

B.V. Lesiv — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics.

Вклад авторов:

А.С. Кошель — концептуальная рамка статьи (структурированное представление общей идеи, методологии и логики исследования), разработка правового глоссария, разделы 3 и 4.

Я.И. Кузьминов — общая идея статьи и глоссария (первоначальный замысел и определение проблемы, требующей решения), определение методологических подходов к исследованию, введение и заключение.

Е.В. Кручинская — поиск источников, раздел 1, общая редакторская правка.

Б.В. Лесив — поиск источников, разделы 2, 3 и 4.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted to editorial office 10.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 15.05.2025.